

Невеста на замену - 3. Сердце феникса

Автор:

[Алина Углицкая](#)

Невеста на замену - 3. Сердце феникса

Алина Углицкая

Невеста на замену #3

Была попаданкой – стала королевой сидов. Была невестой асура – стала женой дроу. Была носительницей темной и светлой магии, а стала источником жизни. Сумела найти свое счастье и даже познать любовь, но... не смогла ее уберечь. Я потеряла любимого и не могу с этим смириться. Но рядом всегда сильные, верные, любящие друзья. И Эрионар. Наши судьбы связаны, он ждал меня тысячу лет. Жаль, что я не могу ответить на его чувства. Мое сердце мертво. Или все-таки нет?

В оформлении обложки использовано фото с сайта Shutterstock. Дизайнер Оксана Северная.

Алина Углицкая

Невеста на замену - 3. Сердце феникса

Читать предысторию: "Невеста на замену. Суженая для асура"

(<https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/55522428.&art=55522428&trial=uglickaya-15730401%2Fnevesta-na-zamenu-kniga-1%2F&from=201227127>)

Пролог

Все сказки заканчиваются хорошо, а моя закончилась плохо. Я попала в другой мир и стала королевой без королевства. Полюбила того, чьи предки уничтожили мой род, но эта любовь оказалась проклятой.

Боги наказали меня за своеволие и самоуправство. Поставили на место. Показали, что я ничто против них. Они забрали у меня любимого мужчину, но не смогли выжечь из сердца чувства к нему.

А еще...

А еще у меня есть дети. Альмиранна и Эсольмиран – мои солнышки, мои пташки. В них течет кровь моего Айренира.

Только ради наших детей я по утрам открываю глаза, ради них дышу. Ради них бьется мое сердце. И только ради них я хочу вернуть жизнь в Королевский холм.

– Эль? – за спиной вырастает тень.

Даже с закрытыми глазами знаю, что это Повелитель Эрионар. Когда-то я прибыла в этот мир как невеста на замену. Его невеста. Но он отказался от меня. Тогда я жутко злилась, а теперь благодарна ему за это. Ведь если бы он не отверг меня, я бы никогда не встретила Айренира и не узнала, что такое любовь...

– Пора? – смотрю на него.

Повелитель кивает.

Я поднимаюсь со скамейки и иду за ним вдоль сада в сторону кружевной беседки. Настал час ежедневного ритуала по восстановлению ауры.

– Сделаем как обычно?

В его голосе сквозит волнение. А я просто молча киваю.

В беседке уже все готово. На столике ждет ваза с букетом из лакмурана. Сажусь в кресло, выстланное подушками, слегка ослабляю шнуровку на корсаже и стаскиваю платье с плеч. Лучше всего, когда контакт кожа к коже.

Мне на плечи ложатся мужские руки. И от этого прикосновения все тело пронзает запретная дрожь.

Я глотаю стон и закусываю губу. Зарываюсь носом в цветы и втягиваю пряный, чуть сладковатый аромат. Чувствую, как энергия медленно покидает меня. Она впитывается в Эрионара, чтобы потом вернуться ко мне, но уже обновленной.

Краем глаза замечаю движение в оконном стекле. Там отражается лицо Повелителя: напряженное, с плотно сомкнутыми губами. Он ведь чувствует все, что чувствую я, вот такая насмешка судьбы. Наши ауры связаны так, что даже смерть не сможет разорвать эту связь.

Эрионар очень красив. Наверное, самый красивый асур на Эретусе. Его волосы струятся фиолетовым шелком, так и хочется запустить в них пальцы. Я невольно люблюсь им и сравниваю с Айрениром.

Только это сравнение не в пользу Эрионара.

Мой погибший муж не считался красавцем даже среди дроу, но для меня он все равно лучше всех. Я помню каждую черточку его лица, мягкую улыбку, гортанный смех, ласковый прищур алых глаз и осторожные, чуткие прикосновения.

Он всегда был нежен и заботлив со мной. Мой муж. Мой принц. Мой любимый...

На миг отражение Эрионара покрывается рябью, и вот уже передо мной в оконном стекле Айренир. Почти как живой...

К горлу подкатывает тоска, но глаза остаются сухими. Я уже давно не плачу: слезы – удел слабаков, а я сильная. Просто опускаю веки.

Незачем растравлять старые раны, они и так не хотят заживать.

– Все, – Эрионар убирает руки. – Тебе помочь?

– Нет, сама справлюсь.

Я поправляю платье и поднимаюсь.

– Прибыла Джанна. Она хочет увидаться с тобой. Что ей передать?

Джанна! Это имя поднимает во мне бурю чувств, причем не самых приятных. Мать Эрионара еще та интриганка, впрочем, как и его отец. У меня нет ни малейшего желания встречаться с ними обоими, а тем более общаться.

Но Эрионару я отвечаю в более мягкой форме:

– Извини, лучше вернусь к себе. Что-то нет настроения.

Последние события научили меня быть сдержанной. Наверное, я могу претендовать на место призера по умению скрывать свои чувства и мысли.

Уже на выходе из беседки меня догоняют слова Повелителя:

– Опять пойдешь в усыпальницу и будешь сохнуть над телом Айренира?

Замираю на месте. Сжимаю кулаки и, не оборачиваясь, отвечаю:

– А хоть бы и так. Или ты мне запретишь?

Он делает шаг в мою сторону, останавливается за спиной, но не решается прикоснуться. Знает, что я не переношу лишних прикосновений.

– Эль, прекрати! – в его голосе звучит страдание. – Пора остановить это безумие! Я уже тысячу раз пожалел, что не послушался отца и не похоронил его, как требуют традиции, а дал тебе попрощаться. Только это прощание затянулось.

Я молчу, кусаю губы и пытаюсь сдержать разъяренный крик.

А он продолжает, словно не замечая моего состояния:

– Пожалуйста, хватит жить прошлым. Очнись, Айренир умер, а ты зачем-то хоронишь себя вместе с ним.

– Ну почему же, – стараюсь говорить ровно, – я очень даже живая. Ем, хожу, дышу, вот, тебе даже помогаю.

– Ты понимаешь, о чем я! Тебе нужно думать о детях, а не о том, чего не вернуть!

Эрионар начинает сердиться. Волны его раздражения накатывают на меня, вызывая лишь безрадостный смех.

Я резко оборачиваюсь, так, что едва не втыкаюсь носом в грудь Повелителя. Вздергиваю подбородок и ловлю его взгляд:

– А чего ты хотел, Повелитель Эрионар? Моей благодарности? Этот мир забрал у меня все: и любимого мужчину, и даже магию! И, ах да, дети, – ядовито ухмыляюсь, – ты даже представить не можешь, что я чувствую, когда думаю о них и о том, что они остались без отца по вине твоей семейки! Вы, асуры, могли защитить Айренира! Но не стали, побоялись пойти наперекор вашим жалким и лживым богам. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», – добавляю с горечью фразу, значения которой он все равно не поймет. – Когда понадобится, знаешь, где меня найти.

Я покидаю беседку. Но, перед тем как дверь за моей спиной успевает закрыться, слышу сдавленный шепот:

– Это ты не представляешь, что чувствую я, когда вижу тебя... такой.

Несколько месяцев назад я прямо из своего рабочего кабинета попала в другой мир. Сначала все это было похоже на бред сумасшедшего, ну или на чей-то дурацкий розыгрыш. Два солнца, три луны, эльфы, дроу...

Кто в трезвой памяти поверит в такое? Вот и я не поверила. Но последующие события быстро привели меня в чувство.

Как оказалось, вызвал меня некий герцог Эриас Карион, чтобы я вместо его любимой доченьки обручилась с ее женихом. Только вместо обещанного жениха – асура с низким магическим даром – кристалл Обретения показал мне Эрионара – Повелителя Молний, сына верховного владыки Леоверена. И оказалось, что я его суженая, что он ждал меня тысячу лет. А потом еще выяснилось, что я – вовсе не я, то есть не Ленка Кравец, дочь простого участкового и бухгалтерши, а вполне приличная барышня – Эльсамин Тильнаминуэр, дочь последнего короля сидов, наследница Лунного королевства. Правда, король этот умер полторы тысячи лет назад, а вместе с ним и все его подданные, включая меня. Точнее, я умерла последней и – то ли по чистой случайности, то ли по коварному замыслу местных богов – переродилась на Земле.

В облике человека я прожила несколько жизней, но ничего не помнила о них. Считала себя обычной девчонкой, пока не загремела на историческую родину в самом прямом смысле этого слова.

Я бы хотела вернуться назад, к беззаботной человеческой жизни. Забыть все, что пришлось пережить на Эретусе. Все, что узнала. Кроме одного.

Я не хочу забывать Айренира и свои чувства к нему. И ту любовь, что он мне подарил.

Эрионар должен был вернуть тело темноэльфийского принца в Заррагбан, где его похоронили бы по обычаям дроу. Но он этого не сделал. Он хотел, чтобы я попрощалась с любимым. Это так благородно с его стороны, если забыть, что смерть моего мужа была спланирована задолго до того, как мы оба появились на свет.

После роковых событий в зале Суда я три недели провела в пограничном состоянии между жизнью и смертью: боролась с собой, с внезапно

пробудившейся второй ипостасью и даже с душой Айренира, которую не хотела отпускать за Грань. Только мысль о детях заставила меня вернуться в мир живых. Если бы не они, я бы отправилась вслед за любимым.

Молот Разрушителя – так называли здесь запрещенное заклинание темной магии, способное убить самого сильного асура – разорвал его тело на части. Выжить при таких ранах не смог бы никто, но владыка Леоверен постарался, сделал так, что от этих ран не осталось даже следа.

Когда я увидела Айренира, то не поверила, что он мертв. Мой принц будто спал. Он ждал меня, как Белоснежка, в хрустальном гробу. Правда, мой поцелуй не смог его разбудить. Даже тысячи поцелуев.

Но кроме его смерти меня ждало еще одно потрясение. Магия. У меня ее забрали, потому что я не могла справиться с ней. И потому что вопреки всем ожиданиям моей второй ипостасью стал не единорог, а феникс... Огненный феникс.

Все разумные существа в этом мире имеют вторую ипостась. Эльфы – это белые единороги, дроу – черные, асуры – обращаются в драконов, а среди веров есть львы, рыси, тигры, медведи и волки. Сиды – лунные эльфы – тоже имели вторую ипостась. Мои предки в большинстве своем обращались в единорогов... только в крылатых. Я окрестила их пегасами, хотя на Эретусе использовали другое слово. Женщины обладали белой мастью, а мужчины черной, только крылья, грива и хвост у всех были одинакового золотого оттенка.

Но как оказалось, это не все тайны, которые хранит этот мир. Здесь четкое разграничение на темную и светлую магию. Это два отдельных потока, которые идут параллельно друг другу, как провода в линиях электропередачи, и никогда не соприкасаются. Но очень редко, раз в несколько тысяч лет, рождается феномен. Ребенок, способный подчинить себе оба потока. Он может стать величайшим магом, полководцем или королем. В моем случае – королевой. Он может родиться в любой семье, быть любой расы и стать родоначальником новой династии, создать собственное королевство. Он может покорить все народы, включая асуров...

Если захочет.

Потому что в нем пробуждается феникс – магическое существо, способное испепелять врагов одним взглядом и возвращать мертвых с того света. Вечная птица, которая сгорает в пламени и воскресает из пепла – символ вечной жизни.

Последний из них приходил в этот мир сорок тысяч лет назад...

Даже для долгоживущих асуров это огромный срок.

И вот еще один пробудился в день суда над Деусом Амрисселем, эльфийским магом, посмеявшимся устроить покушение на Повелителя Эрионара.

В тот день моему эльфийскому телу исполнилось пятьдесят лет – совершеннолетие по меркам эльфов и дроу. Обычно вторая ипостась просыпается постепенно, она как младенец, которого нужно растить и лелеять, но гибель Айренира спровоцировала во мне сильнейший выброс энергии. Феникс пробил кокон души. Он завладел моим телом и сознанием. Я утратила себя и мечтала только о том, чтобы уйти за Грань вместе с любимым.

Так и случилось бы, но магистр Гарвейн, придворный маг короля дроу, создал Арисмилинкаль – алмазное яйцо, в которое заточили моего феникса, полностью отрезав меня от магии. Я выжила, но утратила все силы – и темные, и светлые. Теперь я могу не больше, чем обычный человек. А может, и меньше, потому что у людей на Земле есть технологии, а у меня нет ничего. Даже спичек.

С тех пор прошло больше года. За это время я успела выносить и родить двух замечательных близнецов: златокудрую Альмиранну и синеглазого Эсольмирана.

Близнецы появились на свет ровно в полдень, с громким настырным воплем, словно оповещая мир о своем прибытии. Это случилось в особенный день, когда два солнца Эретуса сошлись в зените, а такое бывает лишь раз в году. Два маленьких комочка счастья, сморщенных и писклявых, похожих друг на друга как две капли воды. И сколько я их ни разглядывала, так и не смогла найти черты Айренира.

Боги не обманули: мои дети стали лунными эльфами – настоящими сидами по праву рождения. Только у этих сидов нет дома.

Прибывший эльфийский целитель облегчил мои схватки и помог близнецам прийти в этот мир. Я очень боялась, но все это время рядом со мной был Эрионар. Он не отходил ни на миг и держал меня за руку. Все семь часов.

И он был первым, кто увидел моих детей. Служанки-гурии, помогавшие при родах, завернули малышей в покрывала из тонкого эльфийского полотна и с поклоном протянули ему:

– Повелитель, благословите ваших подданных.

Это была обычная процедура. Но Эрионар покачал головой:

– Я не буду этого делать.

– Что?! – измученная долгими родами, я сердито уставилась на него: – Что значит «не буду»?

Он улыбнулся:

– Они не мои подданные, Эль, ты забыла? Твои дети сиды, им принадлежит Первородный лес, а он не входит в перечень моих земель.

С разочарованным шипением я упала на подушки и уставилась в потолок. Целитель увел служанок, заявив, что детей нужно обмыть и хорошенько запеленать, а роженице, то бишь мне, отдохнуть. Но Эрионар остался.

Он подошел к кровати, присел на корточки и сжал мою руку. Я удивленно скосила взгляд на него.

– Я давно решил это, Эль, – заговорил асур тихим голосом. – Первородный лес всегда был и останется вотчиной сидов. Он принадлежит твоим детям.

– Только в Королевских холмах гуляет дикий ветер, в Первородном лесу поселились чудовища, а я живу в твоём замке как пленница.

– Прости, – он отпустил мою руку и резко поднялся, – но только так я могу гарантировать вашу безопасность.

Эрионар слишком часто напоминает об этом. Словно оправдывается.

Я понимаю, что он прав, но что-то внутри меня хочет свободы. Хочет вырваться из-под опеки асура, вернуться в Холмы и остаться там навсегда. И с каждым днем это желание становится только сильнее. Но лишённая магии, я не смогу ни добраться до этих Холмов, ни открыть тайный ход.

Прячась от грустных мыслей, я провожу все время с детьми, сторонюсь любого общения, но исправно выполняю свои обязательства по отношению к Эрионару. Повелитель должен быть сильным, чтобы на его землях царили мир и покой. Мне не хочется, чтобы смерть Айренира была напрасной...

Впрочем, смерть – ещё не конец, я уверена.

Расставшись с Эрионаром, я знакомой дорогой обхожу сад и направляюсь к мраморной усыпальнице, где ждёт Айренир. Его последнее пристанище сделали dwarфы: вырубили в небольшом холме, чьи склоны укрывают густые заросли хмеля.

Отодвигаю хмель рукой, немного морщусь, когда колючие плети обжигают кожу, и прохожу внутрь.

Это даже не склеп, а грот, внутри которого из земли маленькими фонтанчиками бьёт вода и стекает в естественные углубления. Его стены и куполообразный потолок сложены из мраморных блоков, а в центре возвышается каменный постамент. На нём стоит гроб с хрустальной крышкой. Вокруг гроба всегда горят триста магических светильников, отчего в склепе светло как днём.

Подхожу ближе, склоняюсь над крышкой и с затаенной болью смотрю на любимое лицо.

Он совсем не изменился. Он все такой же, каким я его запомнила. Такой, как в нашу последнюю ночь...

Помню, как я проснулась тогда, приподнялась на локте и долго разглядывала спящего Айренира. Любовалась им, ласкала взглядом каждую черточку, каждую морщинку. Мой суровый дроу даже во сне оставался воином и спал очень чутко. А потому в какой-то момент я вдруг обнаружила, что его глаза открыты, а внимательный взгляд изучает меня.

– Эль, – сказал он тогда, – почему ты не спишь? Болит что-то?

– Нет, – я улыбнулась и скользнула в его объятия, – просто не могла налюбоваться тобой.

Он фыркнул:

– Тоже мне, нашла красавца.

Я улеглась ему на грудь и скорчила сердитую рожицу:

– Так, не поняла, что за наезд? Хочешь сказать, мой любимый мужчина – урод?

– Уродом себя не считаю, – мой принц помрачнел, – но и слепому видно, что я далеко не красавец. Вот Эрионар...

Я закрыла ему рот ладонью и с чувством произнесла:

– Айрэ, я прожила на Земле много жизней. Там нет магии, а человеческий век короче, чем у веров, но люди очень мудры. Знаешь, как они говорят? Красота в глазах смотрящего. Ты для меня самый умный, самый сильный, самый смелый, самый красивый и самый любимый мужчина на всем белом свете. Я вырву язык любому, кто скажет, что это не так.

Наверное, в моем лице что-то отразилось, потому что Айренир моментально стал серьезным. Он с минуту молча смотрел на меня, потом мягко убрал мою руку с губ и сказал:

– Я тебя понял, Эль, но дай мне слово... Дай слово, что чувства ко мне не станут для тебя обузой.

– О чем ты? – теперь уже я нахмурилась.

– Ни о чем. Просто пообещай, что не будешь цепляться за них, когда... придет время.

Мне не понравились его слова. Я не хотела на них отвечать. Так что просто улыбнулась, запустила пальцы в его жесткую шевелюру, затем нагнулась и приникла к губам глубоким поцелуем.

Надо ли говорить, что мы не спали почти до рассвета? Мой темный принц любил меня так нежно и так долго, словно в последний раз. А потом оказалось, что это и в самом деле был наш последний раз...

Знал ли Айренир об этом? Может, боги предупредили его, чтобы не упускал момент и прожил остаток дней так, чтобы перед смертью не жалеть о бездарно потраченном времени? Этого я никогда не узнаю.

Впрочем, почему «никогда»?

Я касаюсь рукой хрустальной крышки, веду, очерчивая губы Айренира. Губы, которые мне до боли хочется целовать.

Мой принц лежит в стазисе. Время над ним не властно. Магия сохранила его телесную оболочку, но не смогла спасти жизнь. А я могу...

Если обуздаю собственную магию, если сумею восстановить баланс между светлой и темной силой, если приручу своего феникса.

А последнее труднее всего. Первый бой я уже проиграла.

Сейчас мой феникс в алмазном яйце – Арисмилинке. Это яйцо, как и положено воспитанным алмазным яйцам, лежит в золотом футляре, футляр стоит в сундуке, а сундук закрыт в сокровищнице замка Молний. И меня туда не пускают после того, как я по глупости взяла Арисмилинку в руки.

Всего-то хотела поближе рассмотреть, а феникс только этого и ждал. Помню, как меня сначала обожгло до самого сердца, а потом пронзило смертельным холодом. Руки дрогнули, дурацкое яйцо выпало и треснуло меня по ноге.

Я же от боли и неожиданности взвизгнула, а затем, взмахнув руками, поняла, что падаю вниз лицом. Мысленно уже представила, как страстно целуюсь с мраморным полом, но, к моему удивлению, пол начал отдаляться, а я все падала, падала, падала, напоминая себе Алису, нырнувшую в кроличью нору.

В конце концов пришла в себя на диванчике. Рядом хлопотали перепуганные гурии, а в уголочке стоял хмурый Эрионар и смотрел на меня как на преступницу-рецидивистку.

– Ты хотела себя убить?

От такого предположения у меня даже волосы дыбом встали.

– Убить? – я вытаращилась на него. – Ты что! Я давно передумала умирать. Просто хочу вернуть свои силы.

Он тяжело вздохнул:

– Так ты их не вернешь. Сущность феникса очень сильна, а твоя душа ослаблена тяжелой потерей. Я спрячу Арисмилинку, чтобы у тебя больше не возникало глупых желаний.

– Что? Нет!

Я вскочила с диванчика, но от нахлынувшей слабости меня так повело, что пришлось рухнуть обратно.

– Тебе повезло, что ты его выронила, – прокомментировал Повелитель мой стон. – Иначе могла бы не выжить. И тогда твои дети остались бы не только без отца, но еще и без матери.

Его слова припечатали меня могильной плитой. Я осознала всю глупость своего поступка. А мой феникс после того случая оказался за семью замками, и подобраться к нему у меня не было никакой возможности.

Возвращаюсь в свои покои уже под вечер. Служанки-гурии неодобрительно вздыхают, но молчат. Я запретила им со мной разговаривать.

Заглядываю к детям, убеждаюсь, что они спят под присмотром нянек. Подхожу и целую их, сдерживая стремительно набегающие слезы. Проглатываю горький комок и ухожу так же молча, как и пришла.

Равнодушно съедаю ужин. После смерти Айренира я ужинаю в одиночестве и почти не чувствую вкуса пищи. Ем только потому, что несу ответственность за своих детей. Им нужна сильная и здоровая мать.

Это моя вина, что их кормят чужим молоком. По приказу Эрионара асуры отыскиали на землях веров кормилицу-волчицу и привезли ее к нам, ведь ни одна эльфийка не отдаст драгоценную жидкость чужому ребенку. А я сама оказалась пустой. В моей груди не нашлось ни капли молока для моих малышей...

Может, поэтому мне так больно смотреть на детей.

Пужинав, так же равнодушно позволяю подготовить себя ко сну.

Отпускаю служанок, сажусь у туалетного столика и открываю шкатулку, когда-то подаренную Мерильеном – младшим братом Айренира. В ней на белом шелке одиноко поблескивает колечко из арзолита. То самое, что носил Айренир. Второе все еще обвивает мой палец серебристой вязью, потому что эти магические кольца можно снять только после смерти, когда окончательно погаснет аура...

Беру кольцо и сжимаю в ладони. Чувствую, как оно пульсирует, словно живое, и мне кажется, что эльфийский артефакт до сих пор хранит тепло Айренира.

За моей спиной зажигается слабый свет. Рассеянные голубые лучи проникают сквозь закрытые двери из соседней комнаты, где мне оборудовали кабинет. Такой свет означает, что кто-то активировал зеркало связи и пытается связаться со мной.

Впервые с тех пор, как я родила.

Точнее, со мной и до этого несколько раз пытались связаться, но я игнорировала все попытки. Не хотела никого видеть, не хотела выслушивать лживые соболезнования. И в этот раз тоже решаю не обращать внимания на магическое зеркало.

Только «звонящий» оказывается очень настырным.

Кто же это такой? Может... Брейн?

Не уверена, что хочу видеть даже его. Слишком больно. Но Брейн единственный, кого я могу назвать своим другом.

Накинув длинный пеньюар, чтобы прикрыть ночную сорочку, прохожу в соседнюю комнату.

Я не ошиблась. Зеркало на столе вибрирует, по его серебряной глади прокатывается волна за волной.

Сажусь, слегка касаюсь поверхности магического артефакта, и рябь исчезает. С той стороны на меня смотрит Даггерт. Король темных эльфов. Отец Айренира.

– Ну здравствуй, невестушка. Мы уж изнервничались, как там да что. Нелегко до тебя достучаться, а Повелитель ничего толком не говорит.

Мой первый порыв – опустить зеркало лицом вниз и вообще разбить его. Но я только выпрямляюсь в кресле и сдержанно цежу:

– Как видите, со мной все в порядке. Извините, но я не настроена на дружеские посиделки.

Тянусь, чтобы отключить зеркало, но Даггерт останавливает меня:

– Подожди! Ты знаешь, что обнаружили герцога Кариона и его дочь Элению?

Поднимаю брови. Интересная новость...

Темный король продолжает:

– Значит, Эрионар тебе ничего не сказал?

– И где они? – перебиваю его.

– В Первородном лесу.

Недоверчиво хмурюсь:

– Но ведь туда невозможно пройти...

– Видимо, они нашли способ. Наши разведчики заметили костры в центре леса несколько дней назад. Мы не сразу поняли, что это герцог, но теперь нет сомнений. С ним еще несколько существ, среди них есть эльфы и орки, все сильные маги. Скорее всего, те самые, что принимали участие в нападении на Рох. И они стоят лагерем в районе Королевских холмов.

Опустив глаза, обдумываю информацию.

Разведчики дроу передвигаются на грифонах – и только по ночам или в пасмурную погоду, потому что солнечный свет для них губителен. Первородный лес их точно не впустит, для него дроу – смертельные враги, уничтожившие лунных эльфов, его настоящих хозяев. Даже Айренира он пытался убить. Да и сама я, если быть честной, едва не позволила ему это сделать.

– Значит, ваши разведчики заметили беглецов с воздуха, – поднимаю взгляд на Даггерта. – Почему только сейчас, спустя столько времени?

Мое сердце замирает в ожидании ответа. Даггерт пожимает плечами:

– Видимо, их маскировочная магия наконец-то начала слабнуть... Можешь сказать, что им нужно в чертогах сидов?

Король щурится. Его взгляд пронизывает меня.

Но я развожу руками:

– Не знаю.

– Уверена? А как же храм Нуэд и Камень Безумных? Может ли герцог как-то использовать их и, главное, для чего?

Качаю головой:

– Сначала ему нужно войти в Холм, а он не сможет этого сделать. Открыть вход могу только я, а я не стану этого делать, можете мне поверить.

– Ты слишком самоуверенная для того, кто остался без магии.

– Я жила без магии много лет.

– Ладно, – соглашается он. – Но если без твоей помощи герцог не сможет проникнуть в Холм, то что он вообще там делает?

– Вам лучше спросить у него. А теперь извините, я устала.

– Подожди, – он снова останавливает меня. – Мой второй сын хоть и полный балбес, но смерть Айренира заставила его повзрослеть. Теперь он кронпринц. Передача титула уже состоялась...

– И?

– Новый статус открыл ему ту часть королевского архива, которая была недоступна для младшего принца.

– Поздравляю, – бросаю сухо и собираюсь выключить зеркало.

Мне совершенно не хочется слушать все это.

– Он нашел древние книги, вывезенные из Королевского Холма.

Я замираю.

– Что вы сказали?

– Твой отец приказал вывезти из дворца тебя, твоего брата и королевский Архив. Тысячи наценнейших трактатов о магии сидов. Он хотел вас спасти, но ты знаешь, чем это закончилось.

– Ваш отец убил сначала моих родителей, потом брата, потом меня, а Архив прикарманил, – констатирую с ледяным спокойствием.

Он криво усмехается:

– А ты жестокая.

– Зато честная. Так что там с книгами?

– Все это время они пролежали в Миррагделе – столице Тор-на-Дун.

– Я знаю, что это.

– Возвращать их было некому, да я и сам о них забыл. А теперь Мерильен получил доступ к королевскому архиву и наткнулся на книги сидов.

– А Айренир? Он знал о них?

Король вздыхает:

– Мой старший сын был воином, а не книжным червем. Если его и интересовали какие-то книги, то только по воинскому искусству. Сомневаюсь, что он вообще хоть раз спускался в архив. К тому же почти всю свою жизнь он провел в своем Заррагбане, ты же сама это знаешь.

Да, знаю. Но волна облегчения, окутавшая меня, была очень кстати. Ведь я на миг испугалась, что мой принц нарочно не рассказал мне о наследии сидов...

Даггерт продолжает, не имея понятия о том, какие чувства мной овладели:

– Прочитать их мы не можем: твои предки использовали особую тайнопись, которая открывается только тем, в ком течет кровь лунных эльфов. Но я уверен, в них ты могла бы найти что-то полезное для себя.

– Например?

– Например, как подчинить себе феникса. Ведь ты именно этого хочешь? Вернуть себе магию и могущество.

Слова Даггерта заставляют задуматься. А ведь он прав. В древних книгах может быть универсальный рецепт, как решить все мои проблемы. Может, даже как вернуть к жизни любимого...

Я вскидываю голову и ловлю взгляд темного короля:

– А чего вы хотите? В чем ваша выгода?

Он откидывается на спинку кресла и складывает руки на животе.

– Ты очень проницательная, Эль. Хорошее качество для королевы, но абсолютно лишнее для такой красивой женщины. Давай заключим договор? Я помогу тебе вернуть силы и подчинить феникса, а ты станешь моим союзником. Ты и весь твой род на десять поколений вперед. Но для этого тебе придется приехать в Миррагдель. Мы не сможем перевести книги в замок Молний. Во-первых, их слишком много, а во-вторых, некоторые из них настолько стары, что рассыпятся, если их вынести из архива.

Я не стала интересоваться, зачем ему союзник в моем лице. Правда, где-то на задворках памяти мелькнули слова Айренира о том, что его отец хочет наложить лапу на Первородный лес, ставший ничейной территорией после гибели сидов. А десять поколений – ни много ни мало десять тысячелетий. Сиды живут очень долго, почти как асуры.

Впрочем, это неважно, потому что:

– Эрионар не отпустит меня в Миррагдель.

– А знаешь почему?

– Конечно. Он не доверяет вам, и ему нужно мое присутствие для восстановления ауры...

Меня прерывает громкий смех. Даггерт смеется и даже не пытается этого скрыть. Интересно, что такого смешного было в моих словах?

– Ох, не могу, вот насмешила! Восстановление ауры! – смех внезапно обрывается, а голос короля превращается в гневный рев: – Открой глаза, дура! Даже не верится, что мой сын мог влюбиться в такую пустоголовую эльфийку! Эрионар никогда не отпустит тебя из замка Молний даже на день и никогда не позволит заикнуться о том, чтобы ты вернула себе магию. Потому что тогда ты станешь сильной и независимой, и он не сможет тобой управлять. А сейчас ты просто несчастная женщина. Слабая, нуждающаяся в помощи. И он с радостью оказывает тебе эту помощь. Разве не так?

В глазах печет. Я прикрываю веки и чувствую, как на ресницы набегают слезы.

Если бы только Даггерт знал, насколько его слова совпадают с моими мыслями...

Мой свекор продолжает:

– Все асуры собственники, такова их драконья натура. А уж если речь идет о виалле, которую ждал тысячу лет и едва не потерял навсегда, то тут любой из них станет безумцем. Не веришь мне, скажи Эрионару про книги и про то, что хочешь подчинить феникса. Думаю, его ответ тебя удивит.

Он делает красноречивую паузу, продолжая внимательно разглядывать меня. Потом подается вперед:

– В общем, когда перестанешь корчить из себя убитую горем вдову и решишь действовать, то свяжись со мной. Я тебе помогу.

Зеркало гаснет. Я остаюсь в темноте.

Уронив руки, продолжаю бездумно смотреть на свое отражение.

Эрионар...

Неужели Даггерт прав, и Повелитель умышленно держит меня подальше от феникса? Не узнаю, пока сама не спрошу!

Утро провожу с детьми. Они совсем малыши и все время спят, ведь появились на свет чуть больше двух месяцев назад. Но уже узнают меня, улыбаются. Когда беру их на руки, мое сердце щемит от радости.

Они очень похожи, мои дочка и сын, хотя и различия есть: Эсольмиран уже в пеленках показывает боевой характер, всегда просыпается первым и первым начинает кричать. Причем, если у Альмиранны голосок тоненький и жалобный, то у него требовательный рев, на который сбегаются все служанки!

А еще они отличаются от человеческих детей, и не только внешне. Как мне объяснили няньки, к году малыши только-только научатся ползать и сидеть, а все потому, что сейчас их ресурсы уходят на формирование магической ауры, а не физических показателей. Мои дети научатся обращаться с сырой магией этого мира прежде, чем смогут ходить и говорить.

Я по очереди беру их на руки, рассказываю им об отце и сказки о сидах. В них нет ни единой черточки Айренира, но мне так хочется отыскать сходство с моим любимым дроу! Не могут же боги быть настолько жестокими, чтобы стереть его насовсем?

Могут. Еще и как. Мне ли не знать? Мы все в их глазах всего лишь гаечки и винтики – детальки сложного механизма. Что делают с деталями, когда они приходят в негодность? Заменяют без сожаления. Потому что механизм должен работать. Эта проклятая Арка Богов.

Наигравшись, малыши засыпают, а я иду искать Эрионара. Слуги сообщают, что он еще на рассвете покинул резиденцию. Куда Повелитель отправился, разумеется, мне никто не говорит.

В задумчивости брожу по замку, вспоминая разговор с Даггертом и анализируя каждое слово. Ноги сами приносят меня на цокольный этаж, где находится сокровищница. Я прихожу в себя, когда взгляд упирается в ее высокие мощные двери, а навстречу шагает охранник-асур.

– Прекраснейшая, – он отвешивает низкий поклон, – Повелитель запретил пускать вас сюда.

Там, за этими дверями, томится мой феникс, моя сила.

– Знаю, – хмыкаю. – Но ведь он не запретил мне прожигать двери глазами?

Охранник отвечает непонимающим взглядом.

– Нет, Прекраснейшая, таких приказов не поступало.

– Вот и отлично. Буду стоять здесь до посинения и прожигать дыру.

– Простите, Прекраснейшая, мою дерзость, но учитывая отсутствие у вас магического резерва...

Я со стоном закрываю глаза.

Нет, эти асуры отличные парни, но ни сарказма, ни юмора не понимают. Да и воображение у них отсутствует напрочь.

– Прекраснейшая! – чей-то запыхавшийся голос заставляет обернуться. По темному коридору ко мне спешит еще один асур. – Послание от Владыки Леоверена.

Гонец бухается на одно колено, склоняет голову и обеими руками протягивает мне серебряный тубус с гербовой печатью.

«Ого, – проносится в голове, – это что-то новенькое! Сам Леоверен решил пообщаться...»

Но действительность оказывается куда интереснее.

Родители Эрионара решили сделать ход конем и прислать мне официальное приглашение, которое я не смогу игнорировать.

Меня пригласили на общую трапезу не как Эль или виалле Повелителя, а как королеву сидов Эльсамин Тильнаминуэр. Игнорировать такое приглашение – просто ребячество, достойное обиженной девочки Лены, но не достойное правительницы сидов.

Но странно, что Джанна и ее муж так упорно добиваются встречи со мной. Сначала она захотела встретиться, потом это послание с гербами...

Что-то здесь явно не то.

И как бы мне ни хотелось вернуться в склеп и захапнуть там над гробом Айренира, но ради своих детей я должна выяснить, что происходит. К тому же на обеде будет и Эрионар, а у меня к нему есть разговор...

– Прекраснейшая, что передать Владыке? – гонец ждет ответ.

Пряча улыбку, тихо произношу:

– Передай, что я принимаю его приглашение.

Может, Даггерт и прав: хватит корчить из себя убитую горем вдову. Жизнь продолжается, пришло время найти в ней свое место.

Я долго разглядываю наряды, предложенные гуриями по такому случаю. А потом приказываю найти для меня парадный хаалтанар лунных королев. Это такое прямое платье в пол с застежкой от горла до подола и с длинными широкими рукавами, похожими на крылья птицы. Когда-то его шили из тяжелой парчи, затканной серебром, а вдоль подола, вдоль застежки с обеих сторон на манжетах украшали жемчугом.

Королевы сидов веками надевали его на официальные церемонии, чтобы подчеркнуть свой высокий статус. Потому что парчу дозволялось носить только супруге короля и правящей королеве. Я же до этого момента считала, что короны из сарвейских роз вполне достаточно, чтобы произвести нужное впечатление. Но теперь, собираясь встретиться с Джанной лицом к лицу впервые после смерти Айренира, решаю, что мне нужен парадный наряд.

Правда, последний хаалтанар остался в Королевском холме, но гурии не подвели. Они создали требуемое с помощью магии. Просто взяли самое подходящее по текстуре и фасону платье и временно зачаровали его.

– Шесть часов, Прекраснейшая, – сообщает с поклоном старшая из них, пока остальные разглаживают на мне последние складки и укладывают мои волосы. – Потом хаалтанар вернется в исходную форму.

– Карета превратится в тыкву, кони в мышей, а прекрасный принц – в чудовище, – бормочу себе под нос.

На лицах гурий отражается недоумение, но они вежливо молчат. Привыкли уже к моим странностям.

Я рассматриваю себя в зеркало, трогаю пальцами потускневшие тейтры на щеках, когда за моей спиной на пороге вырастает Эрионар. К моему удивлению, тоже в официальном костюме.

Обычно асуры одеваются как персонажи восточных сказок: шелковые шаровары с низкой посадкой, вышитые безрукавки, сафьяновые туфли с загнутыми носами, а представители нижней касты так и вовсе щеголяют без обуви.

Но сегодня на Повелителе длинный кафтан из белого шелка, с разрезами по бокам, а талию подчеркивает широкий кушак, затканый пурпуром. Шаровары он сменил на строгие бриджи, а туфли – на красные сапоги с высокими голенищами.

Голову Повелителя украшает широкий золотой обруч-корона.

– Мг... – откашливаюсь, закончив осмотр. – Я чего-то не знаю?

– Гурии сообщили, что ты потребовала хаалтанар, так что я решил соответствовать, – Эрионар ловит мой взгляд. – Не забывай, мы супруги в глазах окружающих.

В его тоне слышится горечь, но я отмахиваюсь от нее и понимающе хмыкаю:

– Хочешь соблюсти внешние приличия. Но зачем? Твои родители и так знают, как у нас обстоят дела.

– Не знают.

– Что? – вот теперь я смотрю на него с неприкрытым изумлением. – О чем ты?

Асур отводит взгляд, что, в общем-то, на него не похоже, и тихо поясняет:

– Я не хочу их волновать. Джанна и так... чуть не умерла, моля Рахвен открыть твое сердце для меня.

Эта новость заставляет меня сдвинуть брови:

– Хочешь сказать, она снова сделала это? Легла на алтарь? И твой отец ей позволил?!

Он морщится:

– Не надо об этом. Просто постарайся быть с ней помягче, пожалуйста. Она моя мать.

Мое сердце сжимается от нахлынувшего сожаления.

– Мать? – отвечаю Эрионару горькой усмешкой. – Да, у тебя отличная мать, готовая пожертвовать чужим счастьем ради счастья своего сына. И такой же отец...

– Эль...

Я обрываю его:

– Только не надо мне впаривать ерунду насчет твоей значимости для Эретуса. Как выяснилось, я значу не меньше, но мной почему-то можно манипулировать. Моим сердцем и моими чувствами!

Последние фразы выкрикиваю ему в лицо. Хлещу ими, будто каждое слово – пощечина.

Эрионар застывает, окаменевший и побледневший. Я же стремительно проношусь мимо него, распахиваю дверь и, оглянувшись, бросаю:

– Ты хотел, чтобы я встретилась с твоими родителями? Я встречусь. У меня есть что сказать вам троим, только говорить я буду не как твоя виалле, а как королева сидов. И вам придется меня услышать!

Глава 3

Не возражаю, когда Эрионар протягивает руку. Смело вкладываю пальцы в его ладонь и чувствую уже привычный легкий разряд тока, пробежавший до самого плеча и растаявший мягким теплом возле сердца.

Так всегда бывает, когда мы с Повелителем соприкасаемся кожа к коже. Наши ауры отзываются друг на друга, словно хорошо натянутые струны на прикосновение смычка.

Мысленно благодарю свою паранойю за конскую дозу лакмурана, принятую не далее как час назад, выпрямляю плечи, вскидываю голову и с видом опальной королевы шагаю в трапезный зал.

Стол уже накрыт, по залу снуют слуги-асуры, расставляя последние блюда. Леоверен, по обычаю, сидит во главе стола, Джанна – по левую руку от него. Место с правой стороны остается для Эрионара, как для старшего и единственного сына.

А вот мне полагалось бы сесть рядом с Эрионаром, как его виалле, но я молча высвобождаюсь из пальцев асура и прохожу к противоположному концу стола. Как действующая королева, да еще главное блюдо на этом столе, я выбираю место напротив Владыки.

Мой молчаливый протест не остается незамеченным, Джанна и Леоверен обмениваются красноречивыми взглядами, но, к моему удивлению, вслух ничего не говорят.

Точнее, Леоверен хмурится, откладывает вилку, которую до этого крутил в пальцах, и произносит:

– Мы рады, что ты согласилась встретиться с нами.

– А у меня был выбор? – хмыкаю я.

Судя по тому, как кривится Владыка, выбора не было. Но ведь такие вещи не озвучиваются в приличном обществе. А мы общество приличное, не стоит об этом забывать.

Джанна ласково улыбается:

– Дорогая, мы понимаем, ты все еще скорбишь по...

– Не надо, – отрезаю. – Не говорите о том, чего не понимаете.

Она беспомощно смотрит на мужа, ожидая его поддержки, потом на Эрионара, который сидит с застывшим лицом, а потом на меня.

– Эль... Прости нас, если сможешь... Но иногда... иногда просто нет выбора, и тебе приходится делать то, что приходится, а не то, что ты хочешь... Мой кузен отдал жизнь, чтобы спасти тебя и Эрионара. Это был его выбор. А своим поведением ты оспариваешь и ставишь под сомнение правильность его выбора.

Ее голос звучит тихо, но твердо, ведь она свято верит в свою правоту. Замолчав, она опускает глаза. Мужчины тоже молчат, а я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в кожу ладоней.

Если бы только они понимали, о чем говорят! Если бы им довелось испытать хотя бы сотую долю той боли, что испытываю я каждый день, глядя на застывшее в вечном сне лицо Айренира! Если бы хоть один из них любил так, как я...

Но я не говорю этого вслух. Все равно не поймут. Тихо выдыхаю, выпуская напряжение, и натянуто улыбаюсь:

– Смею напомнить, мы с Айрениром супруги, венчанные не только живыми богами, но и мертвыми. – Да-да, вон как испуганно распахиваются глаза Джанны! Она ведь не в курсе, что Айрэ провел со мной брачный обряд по обычаям развоплощенной богини Антхарейн. – И по закону дроу все решения должны принимать вместе. А по закону вашей мертвой богини за мной, как за женщиной, последнее слово. Айренир же нарушил оба закона. Он ничего мне не сказал. И больше того, я не уверена, что это вообще было его решение.

– То есть? – Эрионар даже приподнимается от такого вопиющего богохульства с моей стороны.

– Молот Разрушителя. – Обвожу всю компанию внимательным взглядом. – Неужели вы думаете, что лишили меня не только магии, но и способности мыслить? Герцог Анторийский – светлый эльф, а темную магию могут использовать только дроу. Кто бы ни бросил в портал Молот Разрушителя, он точно не был Эриасом Карионом!

Все трое быстро переглядываются, а Эрионар чуть подольше задерживает взгляд на отце, что я тут же отмечаю.

– Расследование ведется, – произносит Леоверен.

– Уже целый год! – не упускаю случая съязвить, за что получаю испепеляющий взгляд от Владыки.

– Оно не может быть закончено, пока не найдены виновные. Если станет известно, что в этом замешан кто-то из дроу, я дам тебе знать, – продолжает он ровно. – Но не забывай, главной мишенью Молота был не Айренир, а мой сын.

Это, конечно, спорное утверждение. Жертвой могла быть и я, ведь именно я в тот момент оказалась ближе всех к этой штуковине. Но пока герцог Карион не пойман, нет смысла строить гипотезы.

– Зачем вы хотели меня видеть? Ведь не только затем, чтобы в сотый раз извиниться?

Не удержавшись, позволяю себе усмехнуться и вижу, как в глазах Леоверена сверкает предостерегающий огонек.

– Будь осторожнее в выборе слов, девочка, – цедит он сквозь зубы, не обращая внимания на то, что Джанна положила руку ему на локоть. – Мы и так позволяем тебе больше, чем ты заслуживаешь. Только потому, что ты виалле моего сына, я прощаю тебе эту дерзость!

– Отец, – останавливает Эрионар, – Эль права. Это вы просили о встрече с ней, а не она с вами.

Я перевожу взгляд с отца на сына и вдруг понимаю, какие же они разные, хоть и похожи внешне. Леоверен – единоличный властитель, жесткий и хладнокровный, не привыкший, чтобы ему перечили. Он всесилен и всемогущ, и даже боги не могут его игнорировать. Ведь именно от Леоверена зависит львиная доля магии в этом мире.

Эрионар намного моложе и мягче. Его душа еще не огрубела, не закалилась падениями и триумфами. Он все еще слишком близко воспринимает потери. Даже потерю Айренира, а ведь тот, по сути, был его соперником.

Я вспоминаю, что именно Эрионар сидел сутками возле меня, держа за руку, когда я металась на грани жизни и смерти. Это он буквально вырвал меня с того света. Он заставил мое сердце забиться, когда оно почти замолчало. Он ни о чем не спрашивал, ни на чем не настаивал, ничего не просил все эти месяцы...

Просто был рядом. Молчаливый, уверенный, готовый подхватить в любую минуту, если я вдруг упаду...

И даже сейчас он на моей стороне.

Мне на миг становится стыдно.

– Простите, – шепчу, признавая свою вину. – Я готова вас выслушать.

Не знаю, чего я ждала от этой встречи, каких таких откровений. Но все сводится к уговорам перестать жить прошлым, которое не вернуть, прекратить закапывать себя в землю, вспомнить про обязанности перед Эретусом и про детей. О последних я, кстати, никогда и не забывала. А еще Джанна намекнула, а Леоверен выдал открытым текстом, что пора бы уже узаконить наши отношения с Эрионаром, то есть порадовать подданных пышной свадьбой. В

качестве свадебного подарка Владыка асуров обещает помочь с восстановлением Первородного леса.

Под конец Леоверен с явной неохотой сообщает, что герцог Карион и его сообщники обнаружены в районе Королевских холмов. Ага, год спустя после исчезновения!

Я тут же изображаю искреннее удивление: ну не признаваться же, что уже знаю все это от Даггерта?

– А что насчет моей магии? – интересуюсь, когда они замолкают.

– Эль, – растерянно смотрит Джанна, – это очень опасно...

– Без нее еще опаснее. Отсутствие магии наверняка сделало меня не только беззащитной, но еще и лишило долголетия. Сколько я проживу без нее? Как быстро начну стареть?

Все трое обмениваются взглядами.

– Этого никто не знает, – произносит Леоверен, хмуря брови, – твой случай первый за всю историю нашего мира. Но веры живут без магии до трехсот лет.

Горько усмехаюсь:

– К сожалению, я не вер. Без магии я просто человек, а люди живут очень мало. Тут их нет, я единственная, но в моем мире мало кто доживает до ста, причем к этому порогу человек приходит дряхлой развалиной. А старость начинается уже после сорока.

По мере того, как я говорю, лица моих собеседников меняются от недоверия к изумлению, а у Эрионара еще и к отчаянию.

– Так мало? – не верит Леоверен.

– Людям хватает, – пожимаю плечами.

– Но ты больше не человек! Ты эльф, пусть и без магии, – возражает Джанна. Она обводит всех расстроенным взглядом и останавливается на сыне. – Эрионар, мы должны что-то сделать!

Конечно, должны. А я что, возражаю? Я как раз только «за». Но опыт подсказывает, что Эрионара такой поворот ни капли не радует. Слишком уж задумчивый у него вид, слишком расстроенный.

– Боюсь, у нас нет ни малейшего представления, как вернуть тебе магию, Эль, – наконец признается он тихим голосом. – Я думал об этом, когда ты еще лежала в беспмятстве. Мы связали феникса, заточили в артефакт. Но твоя жизненная сила продолжала утекать, как вода сквозь пальцы, даже после того, как я разорвал твою аурную связь с Айрениром. Наши маги сказали, что это из-за детей. Без магии ты все равно что урнваг, а они – сиды, магия для них – источник жизни, как и для нас, асуров. Урнваг не сможет их выносить и родить...

Он замолкает, глядя на меня с сожалением, а я вдруг понимаю то, что осталось недосказанным: наш обмен энергией. Аура Эрионара замкнута на меня. Я стала для него тем замыкающим звеном, той пробкой в бутылке, которая не дает жизненной силе асура выливаться вовне. И в то же время эта сила питает меня и детей...

Неужели Даггерт об этом не знал, когда предлагал мне отправиться в Миррагдель без Эрионара? Или знал и потому сказал, что Повелитель меня непустит?

Я должна это выяснить прямо сейчас.

– Есть один способ, – говорю, подбирая слова. И чувствую, как все напряглись. – Вчера со мной связался Даггерт.

– Чего он хотел? – встревает Леоверен.

Эрионар останавливает отца движением руки:

– Пусть Эль расскажет.

Я благодарно улыбаюсь ему, продолжая:

– Он сказал, что в архивах Миррагделя хранится тайная библиотека, вывезенная из Королевских холмов. Там много рукописей, прочитать которые не сможет никто из дроу, а я смогу. Мои предки знали секрет приручения фениксов и, возможно, они записали его, чтобы сохранить для потомков...

– Думаешь, в тех древних бумагах может быть что-то ценное? – недоверчиво хмыкает Владыка. – А если и есть, как ты их прочитаешь? Они же наверняка зашифрованы!

– Даггерт сказал, что они написаны лунноэльфийской тайнописью.

– Которая утеряна тысячу лет назад!

– Ключ от Королевского холма тоже считался утерянным, – жестко напоминает Эрионар, – но Эль смогла открыть вход.

– Что ты хочешь сказать, мой мальчик?

Отец и сын смотрят друг на друга в немом противостоянии, пока наконец младший не произносит:

– Нам нужно достать эти бумаги. И еще нам нужны лучшие учителя светлой и темной магии на Эретусе.

– Хм... – Джанна с задумчивым видом постукивает пальцем себя по губам, – ну, с темной магией проблем не будет: магистр Гарвейн сейчас в Миррагделе, и Эль с ним уже знакома. А вот что касается светлой... Можно обратиться в Лирровельенорскую королевскую Академию.

– Ты имеешь в виду ректора Садарна?

– Думаю, его знания пригодятся. Все-таки он уже несколько веков руководит Академией, да и вообще, один из сильнейших эльфийских магов.

– Не хочется мне привлекать к этому делу ушастых, – ворчит Леоверен. – Король Тиадар клятвенно пообещал выдать преступников, а на следующий день герцог Карион и все его сообщники-маги чудесным образом исчезли из столичной тюрьмы! Остался только тот дурачок Деус в качестве мальчика для битья. За что и поплатился.

– Тебе известно, отец, что Тиадар здесь ни при чем, – хмурится Эрионар.

– Ты слишком доверчив, мой мальчик.

– Нет, отец, это ты слишком подозрителен и видишь врагов даже там, где их нет.

Они с Эрионаром быстро переглядываются, но я замечаю этот обмен взглядами. Похоже, отец и сын по разные стороны баррикад.

– Так что вы решили? – вмешивается Джанна. – Что будем делать с магией Эль?

– А что здесь решать? – я с напускным равнодушием пожимаю плечами. – Везти сюда лунноэльфийские свитки очень опасно. Они такие старые, что могут развалиться прямо в руках. Придется мне самой отправиться в Миррагдель.

– Я тебя не пущу! – отрезает Эрионар.

Что и требовалось доказать.

Прячу понимающую усмешку.

Как обидно, Даггерт оказался прав. Я нужна Повелителю слабой, беспомощной и зависимой, не мешающей заботиться обо мне...

Твердый голос Эрионара прерывает мои невеселые мысли:

– Мы отправимся вместе.

Джанна вскрикивает, Леоверен бьет кулаком по столу и рычит:

– Сын! Ты не можешь этого сделать! Твое место Силы здесь, тебе нельзя...

– Я не умру, если покину замок Молний, – Эрионар качает головой. Не отрываясь, смотрит на меня. – Тем более, я уже это делал.

– Но без завершения вашей связи ты очень уязвим! – напоминает его мать. – Ты ведь едва не погиб!

– Сейчас вы должны думать не о моей безопасности. Если Эль права, и без магии ее ждет короткая жизнь в сто лет, то подумайте, что будет со мной, когда я ее потеряю? Какая разница, погибну ли я сейчас, лишившись защиты замка, или через сто лет, когда она покинет меня?

Все молчат. И Джанна, и Леоверен понимают, что он прав, им нечего возразить. А я...

Я не могу поверить своим ушам. Он действительно сказал, что отправится со мной? Я не ослышалась? Похоже, что Даггерт ошибся: Эрионар на моей стороне...

Глава 4

Итак, решение принято, высокопоставленные гости отбыли, а Эрионар заперся у себя, сказав, что должен уладить пару вопросов перед отъездом.

Я же решила провести оставшееся время возле Айренира, рассказывая ему обо всем, что случилось.

Конечно, разумом я понимаю, что он меня не слышит и не может ответить. Но сердце все еще надеется на чудо!

– Обещаю, сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть себе силы и... тебя.

Там меня и находит Эрионар, которому понадобилась очередная подпитка.

Он замирает в дверях склепа, терпеливо ожидая, пока я подойду. Бросает на гроб задумчивый взгляд, но не говорит мне ни слова. Лишь позже, уже в его кабинете, после того как мы обменялись энергией, с горечью произносит:

– Хотел бы я, чтобы ты так же тосковала обо мне...

– Поверь, это не то, о чем стоит мечтать, – отвечаю, пряча глаза. – Ты очень хороший, правда, но сердцу не прикажешь.

– Сердцу? При чем здесь сердце? Мы с тобой связаны душами!

Резко поднявшись, так, что едва не падает стул, Эрионар покидает комнату. Дверь за ним хлопает с оглушительным стуком. Я же забираюсь с ногами в кресло, подтягиваю колени к груди и смотрю на зеркало связи, которое стоит на столе.

Стол у Эрионара под стать своему хозяину: тяжелый, выточенный из мореного дуба, с ножками в виде драконьих лап. На нем всегда царит исключительный порядок, да и сам Повелитель немного педантичен, что порой раздражает меня.

Несколько минут я бездумно таращусь в зеркало, а потом в голове мелькает новая мысль.

Когда-то Брейн добился, чтобы его парней назначили мне в свиту в качестве телохранителей. Но придя в себя после гибели Айренира, я не хотела и не могла никого видеть, и потому приказала им возвращаться в Альзасток. Вейрах отправился с ними, но теперь он нужен мне здесь.

Я не хочу отправляться к дроу только в сопровождении Эрионара. Мне нужен кто-то, кому я смогу доверять, тот, кто будет полностью предан мне в любой ситуации, даже если я окажусь тысячу раз неправа.

Конечно, присутствие Брейна тоже не помешает...

Но я все еще испытываю неловкость, думая о нем. Чувствую: то, что произошло между нами в самом начале нашего знакомства, не прошло для него бесследно. Эльфийское зелье давно выветрилось, но альфа вер-львов так и не вернулся к привычной жизни.

Иногда до меня доходят слухи из Альзастока. Я знаю, что Брейн по-прежнему одинок и даже отказался участвовать в Ночи Выбора. Но вовсе не потому, что я оказалась его истинной парой. А потому, что, почувствовав, каково это – быть рядом с истинной, он больше не желает смотреть на других женщин.

Ему нужно найти ту единственную, дарованную богами. Только где ее взять? В поселении вер-львов ни одна женщина не подходит ему, а другие веры тщательно охраняют своих самок, и вообще, межвидовые скрещивания здесь не одобряют. Даже для истинных пар. Ни один клан псовых не примет у себя представителя клана кошачьих и наоборот. То же самое касается остальных веров.

В общем, встреча со мной принесла Брейну кучу проблем. Но сейчас нам придется снова увидеться.

Вздыхнув, подтягиваю к себе зеркало. Оно тяжелое, громоздкое и стоит на мраморной подставке.

Коснувшись гладкой поверхности, представляю облик Брейна. Его ястребиные черты, пылающий звериный взгляд, взъерошенные черные волосы...

Зеркало мутнеет. Покрывается рябью.

– М-м-м... кому-то жить надоело? – слышу знакомый рокошующий голос, от звуков которого у меня перехватывает дыхание. – Совсем страх потеряли? Сказал же, что я...

Альфа обрывает предложение и смотрит на меня так, слово увидел призрака.

– Привет, – шепчу, улыбаясь и чувствуя, как на глаза набегают дурацкие слезы.

Он очень сильно изменился. Осунулся и похудел, а еще отрастил бороду. Густая черная растительность теперь покрывает его подбородок и щеки.

Брейн наклоняется над зеркалом со своей стороны.

– Эль? – его голос падает на пару тонов и становится хриплым. – Это правда ты?

– Я...

Альфа сидит голый, надеюсь, только до пояса. Я невольно пялюсь на его жилистый торс в пересечениях старых и свежих шрамов.

– Не верится! – вер взъерошивает нечесанные волосы и шумно выдыхает. – Я не сплю?

Его глаза странно блестят, а меня вдруг накрывает нехорошее подозрение.

– Брейн, ты что, пьян?

Он смущенно отводит взгляд.

– Ну, не то чтобы... Немного выпил вчера...

Я издаю понимающий хмык:

– Повод был?

Губы альфы кривятся в знакомой усмешке:

– Отмечали свадьбу.

– О, и кто же эти счастливцы?

– Мийра нашла свою пару.

Мийра...

Да, я ее помню. Она была любовницей Брейна, когда мы познакомились, и он бросил ее, думая, что я его истинная пара.

Но сейчас, глядя в подернутые тоской глаза вера, я понимаю, что он утратил надежду. Свадьба бывшей любовницы стала последним ударом.

– Ты тоже найдешь, – осторожно улыбаюсь ему.

– Однажды я уже был уверен, что нашел, но ошибся. Не хочу ошибиться еще раз. Это, знаешь ли... очень больно.

– Знаю.

Несколько минут мы смотрим друг другу в глаза.

Я понимаю чувства Брейна, потому что сама пережила нечто подобное. Сначала предательство Эрионара, который отказался от меня, своей истинной пары, в пользу пророчества, потом гибель Айренира. Я знаю, каково это – быть использованной и обманутой. Но сейчас у меня появилась цель.

– Да, знаешь, – нехотя констатирует Брейн, нарушая молчание. – Но ты ведь связалась со мной не для того, чтобы утешить старого льва?

Не сдержавшись, смеюсь в кулак.

– Не прибедняйся! Тебе до старости еще лет двести как минимум!

– Ну вот, – ворчит он, – а я-то надеялся, что ты пожалеешь меня.

– Я сделаю лучше!

В глазах вера вспыхивает огонек интереса, и я начинаю рассказ.

Выкладываю все, почти без утайки. Единственное, о чем умалчиваю, это о наших отношениях с Эрионаром и об истинной цели моего путешествия. Пусть все думают, что я хочу вернуть силы ради Повелителя. Не нужно им знать, что я стараюсь не ради него.

– Ты принес мне вассальную клятву от лица клана, – заканчиваю свой рассказ. – Пора вспомнить об этом.

– Я даже не забывал. Чего ты хочешь?

– Чтобы твои парни и Вейрах сопровождали меня в Миррагдель.

Альфа задумчиво хмурится. Наконец усмехается – так же открыто и бесшабашно, как и всегда:

– Даже не буду спрашивать, что по этому поводу думает Повелитель. Тебе нужна преданная свита, Прекраснейшая, считай, она у тебя уже есть. Только с одним условием.

Я выжидательно приподнимаю брови.

– Я пойду с тобой, – произносит Брейн, глядя мне в глаза.

– Уверен?

– Более чем. Не доверяю я дроу, тем более Даггерту. Он ничего не делает просто так.

Что ж, в этом я с ним согласна.

Узнав, что к нам присоединятся веры, Эрионар ничем не выдает своего недовольства. Только уточняет, где мы встретимся с ними.

– Брейн и Вейрах будут ждать нас на границе между Тор-на-Дун и Альзастоком.

Мои слова заставляют его задуматься.

– Что ж, – говорит, поразмыслив, – я хотел отправиться уже завтра, но теперь придется изменить наши планы.

– То есть? – настораживаюсь я.

– По воздуху мы бы достигли Тор-на-Дун за пять часов, но раз ты решила встретиться с верами на границе, то нам придется отложить путешествие на три дня. Именно столько нужно львам, чтобы пересечь равнину и добраться до подножия Драконьих гор. Было бы лучше, договорись вы встретиться в самом Миррагделе.

Приходится нехотя пояснить:

– Я не доверяю Даггерту. Вдруг он запретит их впускать? Он ведет свою игру, а я не хочу быть в ней пешкой.

Эрионар несколько минут молча разглядывает меня, думая о чем-то своем, потом кивает:

– Хорошо, я тебя понял. К тому же нам все равно нужен кто-то, кто присмотрит за ковчегом с Арисмилинклем. Нам придется взять его с собой.

– Ты хочешь взять ковчег к дреу? – не могу поверить в услышанное. – Но...

– Да, это очень опасно, но если ты хочешь вернуть свои силы, то иного выхода нет. Я уже связался с магистром Садарном. Он сразу предупредил, что Арисмилинкль понадобится для практических упражнений, но в то же время его опасно держать рядом с тобой. Феникс – это, по сути, воплощенная магия Жизни, у него нет собственного разума, но есть инстинкты, а еще ему очень нужен носитель.

Последняя фраза мне очень не нравится.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что в Арисмилинке заключена особая сила, единственная в своем роде, и найдется немало желающих овладеть ею.

– Но феникса могут приручить только сиды! – напоминаю.

– Ты уже забыла про браслеты подчинения?

Я сердито соплю, а он продолжает:

– Мы отправляемся в самое сердце подземелий дреу. Последний сид и высший асур, с нами будут веры и самый сильный эльфийский маг. А еще у нас в руках единственный феникс. Кажется, в этом мире еще не собиралось столь разношерстной компании.

– Но тебя беспокоит не это?

– Меня беспокоишь ты, Эль. Твое состояние. Я не хочу, чтобы Даггерт или мои родители снова использовали тебя.

– Так не позволяй им этого.

Он внезапно делает шаг ко мне, кладет руки на плечи и ловит мой взгляд.

– Не позволю, – говорит твердым голосом. – Больше – нет.

Мне хочется ему верить. Очень. Но, наверное, я просто разучилась доверять.

Потеряв все силы и став простым человеком, я вдруг осознала, насколько слаба и зависима. А еще поняла, что высшие мира сего, да и любого другого, никогда ничего не делают просто так. Их помощь небескорыстна, улыбки – фальшивы. А ты представляешь для них интерес, только пока приносишь им пользу.

Я приношу пользу – держу Эрионара в добром здравии и твердой памяти. А еще родила двух сидов, которые на протяжении нескольких лет будут связаны со

мной аурной пуповиной. Так что я очень ценный объект. Но не больше. Мои желания ни для Леоверена, ни для Даггерта не имеют никакого значения. Только они ошибаются, если думают, что я буду послушной игрушкой.

У меня тоже есть цель. Я хочу вернуть себе мужа.

– Посмотрим, – отвечаю, глядя в глаза Эрионару.

На рассвете третьего дня прощаюсь с детьми.

Они спят, когда я на цыпочках прокрадываюсь в детскую, целую их, едва сдерживая слезы, и шепотом обещаю, что скоро вернусь. Даю напутствия нянькам: беречь моих солнышек как зеницу ока.

Если бы я могла, то ни за что не покинула бы близнецов, но у меня нет выбора. Если я хочу что-то изменить и вернуть им отца – то должна это сделать. А взять маленьких сидов с собой в подземелья Тор-на-Дун – это подвергнуть их лишней опасности. Здесь, в Замке Молний, им будет лучше всего. Никто не посмеет обидеть моих детей. Асуры будут защищать их ценой собственной жизни.

С тяжелым сердцем спускаюсь по лестнице. Эрионар уже ждет во дворе.

Это первый раз, когда я своими глазами наблюдаю перевоплощение Эрионара в дракона. Конечно, я уже знаю, как великолепно он выглядит в драконьей ипостаси, но сам процесс превращения вижу впервые. Он просто встает посреди двора, чтобы не задеть здания, раскидывает руки, как крылья, миг – и вот уже передо мной застыл фиолетовый ящер с распростертыми крыльями, по телу которого пробегают голубые разряды.

«Садись!» – звучит голос в моей голове, а левое крыло вытягивается в виде трапа.

Не удержавшись, ехидничаю:

– Надо же, сегодня меня повезут с комфортом.

Да-да, пусть не думает, что я забыла, как он тащил меня в лапах в нашу первую встречу!

Нас провожают несколько приближенных асуров. Один из них – красноволосый Шанассар, правая рука и советник Повелителя – держит в руках бархатную подушку, на которой стоит ковчег с Арисмилинклем. Охранные руны поблескивают на стенках шкатулки, видимые даже мне.

– Прошу, Повелитель, – Шанассар с поклоном подносит подушку к драконьей морде.

Эрионар что-то рычит, затем раскрывает пасть – и ковчег исчезает у него между зубов.

Мои волосы поднимаются дыбом.

– Ты... ты его съел? – ужасаюсь, чувствуя, как на моем лице меняется целая гамма эмоций.

«Так безопаснее всего, – поясняет он, видя мое потрясение. Его голос звучит у меня в голове. – Драконья шкура не пропускает магические флюиды, так что ты в безопасности».

– Ты его съел! – я обвинительно тычу в него пальцем. – Моего феникса!

Дракон тяжело вздыхает и прикрывает морду передней лапой:

«Да нет же, он у меня во рту. Твой феникс жив и здоров».

– Докажи!

«Эли, не будь ребенком. Садись!».

Я кошусь на асуров, застывших у меня за спиной, и на Шанассара. Их явно смущает наша мысленная перебранка. Бедняги были бы рады не присутствовать на семейных разборках Повелителя и его виалле.

Ладно, нехотя соглашаюсь.

– Твоя взяла, – ворчу, делая тактическое отступление. – Но как только прибудем на границу с дреу, я хочу убедиться, что ты... ничего не сломал!

Подобрав подол плаща, я по крылу взбираюсь на спину дракона. И в который раз радуюсь местной моде.

Что бы я делала, доведись мне таскать адские конструкции из китового уса или путаться в десятке нижних юбок? А так дорожный костюмчик очень удобный и милый: обтягивающие шортики вместо трусов, облегающие лосины вместо чулок. Поверх них – свободные шаровары, стянутые на талии широким поясом, а на лодыжках – манжетами. К шароварам прилагается рубашка из тонкого льна, чей подол доходит до бедер, плотный корсаж, короткая бархатная курточка-редингот и длинный плащ с капюшоном.

Хм, может, им тут новую моду ввести? Например, на бюстгальтеры?

Я едва успеваю устроиться в выемке между крыльев, как дракон поднимается на лапы. Асуры спешат отойти на безопасное расстояние. А он отталкивается от земли, распахивает крылья – и мощный воздушный поток уносит нас в небо.

Глава 5

От Альзастока до Тор-на Дун около трех дней львиного пути. От замка Молний до подножия Драконьих гор – целых пять. Поэтому мы дали Брейну фору в три дня. Я надеялась, что по воздуху это время сократится до нескольких часов, но не учла, что драконы не «Боинги» и не умеют развивать скорость как самолет. Да и я задереженею так долго сидеть верхом, пусть даже меня и удерживает на месте магия Эрионара.

«Сделаем небольшой привал через два-три часа», – отвечает асур, догадавшись о моих сомнениях.

«Опять мысли подслушиваешь?» – я беззлобно кривлюсь.

«Ты очень громко думаешь».

«А ты уши закрой и не мешай бедной женщине возмущаться!»

В ответ доносится мысленный фырк.

Без магии я снова стала для Эрионара как открытая книга. Но так даже лучше. По крайней мере, он не тешит себя ложными надеждами.

А уж если мне нужно что-нибудь скрыть, то тут всегда на помощь придет арзолитовое колечко. Раньше оно соединяло меня с Айрениром, а теперь держит мощный ментальный щит на моем сознании. Но Эрионар прав. Иногда я очень громко думаю.

«А где нас будет ждать магистр Садарн? – задаю насущный вопрос. – В Миррагделе?»

«Не совсем».

«То есть как? – Я с сомнением смотрю на драконий затылок. – Что значит “не совсем”?»

«Светлые эльфы не могут долго выдержать под землей, впрочем, как и другие наземные расы. Но эльфам сложнее всего. Их светлая магия там не действует. Так что вам придется общаться с помощью портала».

«Но из Тор-на-Дун нет ни одного портала в Лирровельенор!»

«Магистр Садарн и магистр Гарвейн сейчас решают этот вопрос. Они хотят создать стационарный портал, соединяющий рабочий кабинет в Миррагделе с кабинетом в академии Каэлинны».

«То есть напрямую соединить столицу Тор-на-Дун со столицей Лирровельенора? – от такой перспективы у меня голова кругом идет. – Но это же беспрецедентный случай! Как ты их уговорил?»

«Не я. Владыка. Конечно, король Тиадар был против того, чтобы открывать портал прямо в сердце эльфийской академии, да и магистр Садарн не лучшего мнения о магах дроу. Но мой отец умеет убеждать как никто, ты сама знаешь об этом».

Мне показалось, что он усмехнулся. Я решаю не заострять внимание на этих словах. Они будят не самые приятные воспоминания.

«Значит, ради меня объединились не только два мага, но и два королевства?»

«Не ради тебя, Эль. Ради твоей силы. И поверь, каждый из них будет думать, как взять ее под контроль».

В его тоне звучит печаль, но я заставляю себя не развивать эту мысль. И так понятно, что никто и палец о палец не ударил бы ради меня самой, разве что Эрионар. Но сила, заключенная в Арисмилинке, единственная в своем роде. Тиадар, Даггерт, Леоверен – все они жаждут владеть ею, но никто из них не может стать ее носителем. Только я.

«Чувствую себя драгоценной вазой династии Мин», – пробормочу про себя.

Разумеется, Эрионар не знает, что такое «династия Мин», но смысл уловил.

«Ничего не бойся, Эли. Я рядом».

Да, милый Эрионар, ты всегда рядом. Но я, не задумываясь, отдала бы все, что имею, лишь бы увидеть на твоём месте другого...

Разумеется, этого я ему не скажу. Просто сделаю вид, что заинтересовалась ландшафтом внизу. Мы как раз пролетаем над перевалом в центре Драконьих гор.

Драконьи горы – это огромный кряж, занимающий на карте столько же места, сколько все светлоэльфийское королевство и земли веров вместе взятые. А замок Молний расположен на втором по величине пике. Первый, как легко догадаться, занят под резиденцию самого Леоверена.

В этих горах испокон веков властвуют асуры, потому что никто, кроме них, не смог бы выжить на острых, скалистых пиках, пронзающих небо. Эта раса своим присутствием защищает горные замки от лютого холода, который царит на такой высоте. Вот почему в замке Молний всегда тепло, хотя за его границами веками не тает снег.

Но горы это не только мертвые камни, покрытые мхом или снегом. Это еще и цветущие долины, и глубокие ущелья, по дну которых бегут прозрачные реки, и поросшие лесами склоны.

Мы как раз летим над одной из таких долин, раскинувшейся между пологих склонов двух гор. В ее центре голубеет озеро идеальной овальной формы. В нем отражаются бегущие по небу облака и плавают лебеди. А вокруг зеленеют сочные травы и пестрят полевые цветы.

«Что это?» – я всматриваюсь в водную гладь.

«Око Эретуса. Второе такое же находится с другой стороны кряжа. Говорят, это глаза, которыми наш мир смотрит в вечность».

«Как красиво, – вздыхаю. – Давай спустимся? К тому же ты обещал привал, а у меня уже спина затекла».

Немного подумав, дракон отвечает:

«Хорошо. У нас еще есть время».

Он идет на снижение, и вскоре мы оказываемся на берегу. Дракон дает мне спуститься на землю, потом открывает пасть, и в траву падает мой ковчег. Только после этого Эрионар меняет ипостась.

– Видишь, – говорит, подбирая шкатулку, – с ним все в порядке.

– Я должна была убедиться!

Оглядевшись, не сдерживаю восхищения:

– Как здесь красиво! Прямо райский уголок!

– Подожди, ты еще главной красоты не видела, – добавляет Эрионар, глядя на меня с неприкрытой нежностью.

Всегда, когда он так смотрит, мне становится не по себе от того, что я не могу ответить на его чувства. Вот и сейчас я спешу отвлечь его внимание от себя. Тянусь рукой к ближайшему цветку, похожему на магнолию. Но, вопреки моим ожиданиям, цветок внезапно оживает: взмахивает полупрозрачными крылышками-лепестками и взвивается вверх.

От неожиданности я отшатываюсь и едва не налетаю на Эрионара, но он успевает удержать меня за плечи. А следом за непонятым крылатым созданием взлетают еще три десятка цветов. Они кружат в воздухе, создавая пестрый хоровод, и мчатся в сторону озера.

– Что это? – бормочу, неловко выпутываясь из объятий асура.

От мужских ладоней идет приятное тепло, которое проникает даже сквозь слои одежды. Это тепло манит расслабиться и довериться сильным рукам. Но я не могу позволить себе эту слабость.

– Феи, – понимающе улыбается мой спутник и с неохотой отпускает меня.

– Феи?! Но разве они не ушли в свои облачные замки после войны с эльфами?

– Это цветочные феи, Эль. Они живут только здесь, возле Ока Эретуса. Идем, покажу еще кое-что.

Он протягивает мне ладонь. С минуту колеблюсь, не желая лишний прикоснуться к нему, потом все же беру его за руку.

Слабый разряд пробегает по коже и растекается привычным теплом. Свободной рукой нащупываю поясную сумку, в которой лежит коробочка с засушенным лакмураном.

Что будет, если однажды этого редкого цветочка не окажется рядом? Даже думать об этом боюсь...

Мы идем вдоль берега в сторону пышно цветущих кустов. Я узнаю акацию, сирень, боярышник и еще несколько видов, которые, насколько мне известно, на Земле цветут в разное время. А тут все вместе! Цветов так много, что их душистый аромат висит в воздухе незримым туманом.

Эрионар свободной рукой отводит в сторону ветки и бросает на меня заговорщицкий взгляд:

– Смотри, только тихо!

Заглядываю в просвет. Из горла вырывается тихий возглас, и я тут же зажимаю рот свободной рукой. Здесь таится скрытый от нескромных глаз уголок озера, и он не пустует!

Недалеко от берега из воды выглядывают валуны, покрытые влажным сине-зеленым мхом. На них, подставив солнцу мокрые спины и приподнявшись на локтях, лежат обнаженные парни и девушки. Худощавые, с темными вьющимися волосами и узкими бледными лицами.

– Кто это? – шепчу, крепче сжимая руку Эрионара.

– Шелки. Морской народ. Все, что от них осталось.

Недоверчиво хмурюсь:

– Странно, почему мне неизвестно про них? Их не было на Суде, а ведь там присутствовали все расы Эретуса.

– Шелки не общаются с нами и не вмешиваются в наши дела. К тому же их официально признали исчезнувшими еще за три тысячи лет до твоего рождения.

Понятное дело, что ты ничего не знаешь о них.

– Они нашли здесь последний приют?

На наших глазах один из парней поднимает голову. Сначала принюхивается, а затем издает странный звук, похожий на тьяканье.

Миг – и шелки исчезают в воде.

Парни и девушки змеями соскальзывают в озеро. Слышится тихий всплеск, а через минуту из воды высовываются несколько тюленьих мордочек. Они начинают тьякать, глядя в нашу сторону.

– Нас заметили, – хмыкает Эрионар. – Можно больше не прятаться.

Он делает шаг вперед, и мне приходится вслед за ним покинуть укрытие.

Самый крупный из тюленей направляется берегу. Но едва он выбирается из воды, как его толстое веретенообразное тело покрывается рябью, а затем начинает сиять так ярко, что я невольно прикрываю глаза рукой.

– Все, – с улыбкой в голосе произносит Эрионар. – Можешь смотреть.

Я с опаской опускаю ладонь.

Перед нами стоит тот самый парень, только теперь он не голый: его бедра стыдливо прикрывает мокрая тюленья шкура, а на бледной коже светятся странные узоры. Но больше всего меня поражают его глаза. Таких огромных глаз цвета темного шоколада я еще не встречала. У этого парня не видно ни радужки, ни белка.

– Повелитель Эрионар, – он опускает голову, – давно вас не видели в этих местах.

Голос у шелки нежный и певучий. Он никак не может принадлежать взрослому мужчине. Скорее, подростку лет четырнадцати.

Да и сам парень на мужчину не тянет: невысокий, узкоплечий, изящный, с длинными темными волосами и нежным лицом. Таких на Земле называют андрогинами.

– Не было нужды, Барра, – асур легонько подталкивает меня вперед, – познакомься с моей виалле. Эль, – он бросает взгляд на меня, – это последний король шелки Барра Бридхейм.

Я так занята разглядыванием шелки, что не сразу замечаю: Эрионар не представил меня как королеву сидов. Зато ловлю на себе острый взгляд шелки. И понимаю, что его привлекло: пусть я утратила магию, но тейтры остались. Они все еще украшают все мое тело молчаливым напоминанием о могуществе, которое я потеряла. Только больше не светятся.

Открываю рот, собираясь сказать что-то, приличествующее случаю, но Барра перебивает меня:

– Приветствую, Прекраснейшая. Будьте гостьей в моих водах.

Не зная, что делать, взглядом ищу поддержки у Эрионара. Тот подбадривающе улыбается:

– У нас есть немного времени. Не хочешь посмотреть на дворцы шелки? Из ныне живущих их видели единицы.

Немного посомневавшись, я все же киваю:

– Конечно, хочу!

На тонких бледных губах короля появляется тень улыбки:

– Мой народ с радостью примет вас в своем подводном доме.

Развернувшись, он направляется к воде. А вот я торможу:

– Подождите... вы сказали «в подводном»? Но я не умею дышать под водой!

Барра продолжает идти, не оглядываясь. Я слышу насмешливый голос:

– Не переживайте на этот счет, Прекраснейшая. Пока вы моя гостья – вода ваш друг, а не враг.

Смотрю на Эрионара:

– И что он хотел этим сказать?

Асур загадочно улыбается:

– Доверься мне, Эли. Идем!

– Ну... ладно...

Никогда не видела Эрионара таким. Он словно сбросил с себя маску Повелителя и стал обычным парнем. По нему даже не скажешь, что этот асур разменял уже несколько тысячелетий. Если бы я этого не знала, то приняла бы его за одного из безбашенных дружков своих земных братьев: та же вредливая хитринка в глазах. Он точно что-то задумал!

Вслед за Баррой мы спускаемся к озеру по пологому берегу. Здесь золотится песок, в котором мои ноги утопают по щиколотку, а еще довольно тепло, даже жарко, так что я мимоходом снимаю плащ с курточкой и бросаю на ближайшую ветку. А потом, немного подумав, сажусь на песок и стаскиваю сапожки. Они у меня с низкими широкими голенищами, в которые уже попало несколько песчинок. Ходить с песком в сапогах то еще удовольствие!

Никто из мужчин и слова не говорит. Молча ждут, пока я закончу и поднимусь. Но взгляд Барры, на мой вкус, слишком цепкий и слишком внимательный.

Оказывается, идти босиком по теплему песку намного приятнее, чем в обуви. Я даже расслабилась и, забывшись, сама хватаю Эрионара за руку. Но проскользнувшая искра заставляет меня опомниться.

– Прости, – виновато улыбаюсь асуру.

В его глазах мелькает глухая тоска.

– Тебе не за что извиняться, Эль.

Я спешу перевести разговор:

– Интересно, и как мы попадем в подводный дворец? Нам придется плыть? В одежде?

Барра идет впереди, но оборачивается на мой голос. По губам шелки скользит загадочная улыбка, но глаза остаются серьезными:

– Немного терпения, Прекраснейшая. Скоро вы все поймете.

Глава 6

Стоит нам спуститься к воде, как Барра взмахивает рукой, и нас с Эрионаром окутывает едва заметное золотистое свечение. Кажется, что каждый из нас заключен в сферический кокон.

– Теперь вы сможете дышать и ходить под водой, как по земле, – поясняет шелки. – Идите, и ничего не бойтесь.

Он первым шагает в воду и устремляется прочь от берега. Мы с Эрионаром идем вслед за ним, а через десяток шагов я понимаю, что он имел в виду.

Будь я без этого кокона, то уже бухнулась бы в воду и поплыла. Но кокон не позволяет этого сделать. Его сияние, состоящее из миллиардов невидимых глазу искорок, отталкивает воду, как отталкивают друг друга магниты с одинаковым зарядом.

Мы идем по дну озера, а вода расступается перед нами, чтобы сомкнуться у нас за спинами. Десяток шагов по наклонному дну – и мы уже так глубоко, что воды

озера плещутся у нас над головой, но ни одна капелька пока не замочила ни меня, ни Эрионара.

А вот Барре не требуется никакой кокон. Войдя в воду по грудь, он просто превратился в тюленя и поплыл, указывая дорогу.

Вскоре мы опускаемся так глубоко, что солнце превращается в мутный шар, едва виднеющийся сквозь толщу воды. Зато вокруг колыхаются причудливые водоросли всех оттенков синего, красного и зеленого, на круглых камнях шевелятся и тянутся к нам разноцветные существа, похожие на кораллы, а между их щупалец-ветвей вьются мелкие серебристые рыбки с развевающимися хвостами.

Другие шелки тоже не отстают. Тюлени следуют за нами, иногда выныривая на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

Мы идем уже минут двадцать, и мне становится скучно. К тому же вода очень мутная, я вижу только на пять шагов вокруг, не больше.

Но вот король-тюлень оборачивается и что-то свистит. Остальные тут же подплывают к нам ближе. А затем мутный слой воды начинает светлеть и постепенно становится прозрачным.

Пара моих удивленных вздохов – и впереди возникают очертания подводного дворца. Высокие игловидные башни с галереями, прозрачные купола и белые колонны, увитые разноцветными водорослями.

Не выдерживаю – издаю стон восхищения.

Не верится, что я это вижу своими глазами. Слишком сказочно, слишком нереально. Слишком волшебно даже для этого мира.

Эрионар ловит мой взгляд, улыбается:

– Эли, это большая честь. Шелки уже много веков никого не впускают в свою цитадель.

Хочу ответить ему, что прекрасно их понимаю, что будь у меня возможность вернуться в Холмы Первородного леса, я бы тоже туда никого не пускала. Например, тех эльфов и орков во главе с Карионом, которые шастают там столько времени!

Но в последний момент решаю, что такие мысли лучше держать при себе. Улыбаюсь в ответ:

– Даже тебя?

– Я был здесь, когда принял титул Повелителя Молний. Тогда мне присягнули все наземные расы, живущие на моей территории.

– А шелки?

– Они, как и цветочные феи, не считаются нашими вассалами. Они живут сами по себе. И знаешь, – добавляет он с сожалением, – им не нужна наша магия. Они не нуждаются в ней.

Удивительно, но едва мы переступаем порог дворца, как наши сияющие коконы испаряются. Я даже испугаться не успеваю, как оказываюсь стоящей на совершенно сухом полу, а в воздухе царит легкая влажность, но не больше. Обстановка здесь вполне человеческая: колонны, подпирающие арочные своды, мебель из камня и дерева, циновки из тростника...

Мы словно перенеслись во времена древних кельтов, только с поправкой на магию.

Вслед за Баррой проходим сквозь анфиладу просторных залов. Свита, тоже вернув себе человеческий облик, следует за нами. По пути встречаются и другие шелки, которые молча присоединяются к нашей компании.

Наконец, Барра вводит нас в круглый зал. Посреди него в яме, вырытой прямо в полу, полыхает огонь. Над огнем на толстой цепи покачивается закопченный котел, в котором что-то булькает. Несколько девушек с распущенными волосами окружили его. Они напевают тихую песню и двигаются в такт мелодии. Каждая держит в руках корзинку. Девушки достают оттуда пригоршни трав и бросают в котел. Остальные шелки подпевают им и прихлопывают в ладоши.

– Надеюсь, вы не откажетесь разделить с нами трапезу, – произносит Барра, не спрашивая, а констатируя факт.

Я понимаю, что это не то приглашение, которое можно отклонить. Чем бы ни руководствовался король шелки, приведя нас сюда, здесь его дом и его правила.

– С удовольствием, – улыбается Эрионар.

Берет меня за локоть и подводит к костру.

– А что скажешь ты? – взгляд темных глаз шелки останавливается на мне.

Легкомысленно пожимаю плечами:

– Я не против перекусить.

Барра отвечает тонкой улыбкой:

– Сегодня у нас особые гости, – он бросает взгляд на присутствующих. – Окажем им честь.

Под его взглядом все шелки замолкают и начинают рассаживаться на циновки вокруг костра. А я с удивлением отмечаю, что среди них нет детей. Да и самих шелки не больше сотни. Неужели это все, что осталось от дивной расы?

Мы тоже садимся. Причем так, что Барра оказывается по правую руку от меня, а Эрионар – по левую. Король дает знак, и несколько девушек поднимаются со своих мест. Они подходят к котлу. Одна подает деревянные миски, вторая, орудуя большим черпаком, наполняет их дымящимся варевом, а еще трое разносят по кругу.

К моему облегчению, в котле всего лишь рыбный бульон, щедро приправленный травами. Шелки едят руками: сначала вылавливают из тарелок крупные куски белой рыбы, а потом выпивают пряный бульон. Мы с Эрионаром следуем их примеру, причем меня поражает изящество, с которым действует асур. Кажется, этого аристократа ничуть не смущает отсутствие столовых приборов.

Несколько минут трапеза проходит в полном молчании, но вот Барра отставляет пустую миску и вытирает рот. Вслед за ним остальные шелки тоже прекращают жевать.

Я, повторяя за Эрионаром, опускаю тарелку, хотя в ней еще плавает пара кусочков рыбы.

– Мы давно никого не зовем в гости, – говорит король, глядя на меня, – тем более жителей суши. Но сегодня я изменил нашим обычаям, потому что почувствовал в тебе жизнь.

В его словах сквозит странный намек, и я напрягаюсь.

Он продолжает:

– Мой род угасает. Те, кого ты увидела здесь – последние из морского народа. Самые молодые из нас уже разменяли пятую тысячу лет.

Пятую тысячу?!

Не веря своим ушам, смотрю на собравшихся. Шелки выглядят очень молодо, даже юно. Самому Барре невозможно дать больше двадцати! Сложно поверить, что этим созданиям уже пять тысяч лет.

– В какой-то мере, – король усмехается, – шелки и сиды товарищи по несчастью. Но ты сумела переступить грань, отделяющую твой род от полного вымирания. Ты дала этому миру новую жизнь. Я почувствовал это сразу, едва увидел тебя, как и то, что ты утратила связь с магией Эретуса. Но знаешь, что удивило меня больше всего?

Качаю головой.

– Ты до сих пор жива. На Эретусе только веры могут существовать без магии, всем другим она необходима как воздух.

– Это вышло случайно, – оправдываюсь, не зная, стоит ли рассказывать историю моего появления в этом мире.

Барра недоверчиво приподнимает бровь, но вместо меня отвечает Эрионар:

– Эль утратила связь с Эретусом не по своей вине. Это не наказание, а единственный способ спасти ее жизнь. Мне пришлось это сделать. Я знал, что очень рискую, но верил, что наша связь удержит ее в мире живых. Как видишь, я не ошибся.

– Вижу, – соглашается Барра после некоторого молчания, – твоя аура стала для нее источником жизни. Но она родила не твоих детей, Повелитель Эрионар. Где их отец?

– Он... – я запинаюсь, понимая, что не смогу произнести это вслух.

– Он покинул нас, – голос Эрионара вспарывает мне сердце. – Его больше нет.

– Твоя виалле так не считает, – усмехается шелки.

Я опускаю глаза.

– Есть потери, с которыми невозможно смириться, – говорит асур, глядя на меня с затаенной печалью, – но проходит время, и ты просто привыкаешь к новому положению дел.

От его слов, сказанных тихим голосом, у меня внутри что-то ноет.

Говорил ли он обо мне? Или эта фраза касалась его самого? Не хочу выяснять.

На несколько минут в зале воцаряется печальная тишина.

– Что ж, – Барра прерывает молчание, – сегодня особый день для моего народа. Мы называем его Лунгадар. Это единственное время в году, когда открываются двери в мир духов, а любой желающий может узнать у них свое будущее.

Он переводит взгляд на меня:

– Когда-то именно в Лунгадар духи сказали мне, что в однажды мою обитель войдет сид без магии, но он будет нести в себе жизнь. Я решил, что они ошиблись, ведь сидов давно не существует, а если бы и существовали, то они не могут жить без магии. Но, как видишь, это я ошибался. Духи сказали, что я должен привести этого сиду к огню предков и разделить с ним ритуальную трапезу. А потом позволить ему заглянуть в наш котел...

– Ты можешь отказаться, Эль, – произносит Эрионар, глядя, как я поднимаюсь.

– Все в порядке.

Сказать, что мне страшно – ничего не сказать. У меня все поджилки трясутся, пока я иду к котлу вслед за Баррой. Зато король шелки сохраняет подозрительное спокойствие. Он ведь наперед знал, что я соглашусь!

Увидеть будущее...

Стоит ли его видеть? Ведь тогда не останется выбора, не останется неопределенности. А если я увижу в котле то, чего не хочу видеть? Что тогда?

Меня терзают сомнения. Но отступить и трусливо сбежать не могу.

Лучше знать правду, чем жить в неведении. Пусть на Эретусе все считают, что будущее предопределено богами, я в это не верю.

Огонь в яме давно погас. Барра дает знак, и толстая цепь, скрежеща, опускает котел. Он уходит в землю до половины и замирает. Так что теперь его край торчит на уровне моей груди.

– Можешь смотреть, – усмехается шелки, видя, как я ищу на котле местечко почище. – Не бойся запачкаться. Одежду можно отстирать, тело – отмыть. А душу – никогда.

Что ж, он прав. Но мало радости вымазаться в саже, когда даже сменной одежды нет!

Сжав зубы и стараясь как можно меньше прикасаться к котлу, я заглядываю в его недра.

Сначала вижу только до блеска начищенные внутренние стенки и прозрачную воду, наполняющую его до половины. В воде плавают лепестки каких-то цветов.

А потом что-то булькает. На поверхность всплывает вереница воздушных пузырей. Они лопаются один за другим, и по воде расплываются круги. Их становится все больше и больше, и вот уже вода бурлит с такой силой, словно кипит. Шум воды перекрывает все звуки. Только я не чувствую ни жара, ни пара.

Пока внезапно все это не прекращается. Шум переходит в звенящую тишину, а водная гладь застывает как зеркало.

В этом зеркале я вижу себя...

Сначала решаю, что это мое отражение. Но спустя мгновение понимаю, что ошиблась. Это я, только из будущего: повзрослевшая, в другой одежде, с другим выражением на лице.

На моем новом лице застыло ожесточение. На губах играет кривая улыбка, в глазах – безмятежность убийцы. Кожа измазана грязью и чем-то, похожим на засохшую кровь. А тейтры пылают от переизбытка энергии.

Угол зрения постепенно меняется, как если бы камера, через которую я смотрю, начала отдаляться. Я наконец понимаю, что мой двойник стоит посреди поля.

Огромного поля, над которым нависло грозное небо. И в этом небе играют багровые всполохи, а земля укрыта телами...

Много тел. Сотни, а может, и тысячи. Орки, эльфы, дроу, веры...

Все в латах. Утыканные стрелами. Изрубленные мечами. Все мертвы.

Содрогнувшись, перевожу взгляд на себя. Та, другая я, стоит, опираясь на сверкающий меч. Плащ скрывает ее фигуру и стекает вниз потоками пурпура. Темные волосы развеваются на ветру, будто знамя, а голову венчает венок из роз...

Темные?! Я же блондинка! Почти... те несколько темных прядей, что появились в моих волосах еще в Рохе, так никуда и не делись.

А еще эти розы... Они вовсе не белые. Они алые, точно вымазанные в крови, с черными стеблями и листьями.

Пока пытаюсь осмыслить увиденное, плащ моего двойника распахивается. Только тогда понимаю: это не плащ – это крылья. Огненные крылья феникса.

Взвиваются языки пламени, сверкают молнии – и мой двойник оборачивается сгустком огня, который очертаниями напоминает птицу с длинным хвостом. Рассыпая искры, птица взмывает вверх. Поле под ней вспыхивает так, словно его облили напалмом...

Жар огня бьет мне в лицо. В ужасе отшатываюсь и едва не падаю, но Эрионар успевает поддержать меня со спины.

– Эль, – слышу его встревоженный голос. – Что с тобой? Что ты увидела?

– Ничего! – шепчу, разворачиваясь и цепляясь за его плечи непослушными руками. – Ничего!

Асур обнимает меня и осторожно прижимает к себе.

Прячу голову у него на груди. Чувствую, как по телу проходит мелкая дрожь.

– Будущее не всегда оказывается таким, как нам хочется, – откликается Барра. – Но в нашей власти его изменить.

Глава 7

Из подводного дворца Эрионар выносит меня на руках. Я так и не смогла рассказать ему, что увидела. Он тоже заглянул в котел, в свою очередь. И тоже смолчал об увиденном. Но стал немногословным и задумчивым. И прижимает меня к себе ревностнее, чем обычно.

Уже на поверхности, когда мы расстались с шелки, он говорит:

– Будущее – не приговор. Помни об этом.

Я опускаю взгляд. Молча дожидаюсь, пока он примет облик дракона, молча забираюсь ему на спину. Кажется, что мы провели у шелки несколько часов, но оба солнца отрицают эту теорию: их положение показывает, что мы отсутствовали не более получаса.

Остаток пути пролетает мгновением. Горы под нами сменяет долина. Меж зеленых холмов вьется лента Имелиары, по берегам которой темнеют селения веров, и мое сердце беспокойно сжимается.

Сейчас я увижу друзей!

А вот и лужайка, на которой развалились четыре гигантских льва. Один, самый крупный, черный как смоль. Еще золотисто-коричневый, темно-бежевый и с рыжим отливом.

Не верю своим глазам! Брейн, Кир, Вейрах и даже Савьен! Уж этих парней я узнаю даже издали!

Дракон начинает снижаться. Увидев нас, львы поднимаются и ждут, пока мы не спустимся.

Ступив на землю, я первым делом бросаюсь к черному зверю. Глаза застилают слезы, но я не хочу, чтобы их кто-то видел, а потому утыкаюсь лицом в жесткую шкуру сверххищника и шепчу:

– Спасибо! Спасибо, что вы пришли!

Отпустив Брейна, по очереди обнимаю каждого льва. Они все рады встрече со мной. Мурчат, словно котята, и легонько подталкивают лбами, выражая свои эмоции. А потом вдруг замирают и опускают головы в знак покорности.

Слегка оторопевшая, я не сразу понимаю, в чем дело: за моей спиной стоит Эрионар.

– Благодарю, что откликнулись на призыв моей виалле, – он обнимает меня за плечи.

А потом ревнивым жестом притягивает к себе.

Черный лев издает короткий рык. Мол, мы откликнулись на призыв нашей ниры.

Объятие асура становится крепче. Слышу тихий скрип его зубов.

С одной стороны, Брейн прав. Он явился на призыв той, кому обещал защиту клана, и неважно, чья она виалле. А с другой – это недопустимая дерзость! Ведь не я, а именно Эрионар защищает их от врагов и дает возможность растить потомство в мире и покое. А я так слаба, что сама нуждаюсь в защите.

Приходится вывернуться из рук асура и встать между мужчинами:

– Спасибо, что вы все пришли мне на помощь! Я это очень ценю... – делаю паузу, посылаю Эрионару многозначительный взгляд и добавляю: – Особенно то, что ты рядом!

Он молча притягивает меня обратно, но я успеваю заметить и печальную улыбку, промелькнувшую у него на губах, и то, как потускнели его глаза.

Повелитель слишком умен и проницателен. Его невозможно обмануть красивыми словами. И он... слишком Повелитель. Как сказал Айренир: этот асур поступится собственным счастьем, если от этого будет зависеть счастье его подданных. Впрочем, он уже один раз так поступил. И кто даст гарантию, что не сделает этого снова?

А я... я не такая правильная. Да простят меня боги, но все, чего я хочу – это вернуть свою жизнь. И если ради этого придется кого-то убить или разрушить парочку замков...

Что ж, я готова. Можете меня осуждать.

Стоит об этом подумать, и перед внутренним взором всплывают картинки: поле, устланное телами, и я, стоящая над ними с мечом в руках.

От воспоминаний по телу ползет озноб.

Передергиваю плечами. Эрионар, видимо, решив, что его объятия мне неприятны, разжимает руки и делает шаг назад.

Тепло его тела исчезает. Мне становится холодно.

– Здесь ближайший вход в подземелья, – произносит асур, глядя на черного льва. – Он принадлежит дварфам. Я договорился, они проведут нас к порталам дреу. Но в таком виде вас никто не пропустит. Вы должны обернуться.

Брейн пожимает могучими плечами.

– Только не здесь! – останавливает Повелитель. – Не на глазах у моей виалле!

Черный лев недовольно ворчит, потом рыкает что-то своим собратьям, и все четверо исчезают в ближайших кустах.

Через минуту заросли озаряются знакомым золотистым сиянием. Потом что-то долго шуршит, трещит, ломает ветки, ругается на разные голоса, и наконец перед нами предстают веры в своей человеческой ипостаси. К моему бесконечному счастью, полностью одетые.

И снова я не могу сдержаться. Бросаюсь их обнимать, сопровождаемая пронзительным взглядом Эрионара.

Брейн выходит последним.

– Ты побрился! – взвизгиваю, увидев его.

– Да-а-а, – тянет он, по-мальчишески усмехаясь, и трет подбородок, – какую глупость только не сделаешь ради своей ниры!

Брейн обнимает меня крепче всех, прижимает к себе так, что я чувствую мощь его тела, чмокает по-братски в висок и говорит:

– Ну, наконец-то я могу это сделать!

Эрионар стоит бледный как мел. Хвост асура оплел его левую ногу, только кисточка нервно подрагивает. Руки сжимают ковчег с Арисмилинклем так, что побелели костяшки пальцев, а на щеках выступили желваки.

– Пора, – цедит асур сквозь зубы и с мрачным видом идет мимо нас.

Вход в подземелье действительно совсем рядом. Но стой я даже вплотную к нему – и то ничего не заметила бы, впрочем, как и веры.

Эрионар делает пасс рукой, шепчет что-то на dwarфском наречии – и перед нами из воздуха появляется гранитная стена, в которой темнеет дверь. Низенькая, но сделанная из толстых, потемневших от времени дубовых досок, да еще обитая

темным металлом.

В центре двери торчит молоточек. Асур бьет им два раза, и она открывается. На пороге стоит бородатый дварф в добротном сюртучке. Увидев нас, он кланяется:

– Приветствую, Повелитель. Я Дарбен Курдгельфрам из рода Курдгельфрамов. Совет гильдий назначил меня вашим провожатым.

Когда я была пленницей в Заррагбане, мне прислуживали девушки-дварфы. Пышные, круглощечие, как сдобные булочки. Ростом они едва доходили мне до плеча, хотя я тоже метр с кепкой. Мужчины-дварфы обычно чуть выше своих прекрасных половин, но на фоне Эрионара и веров наш провожатый проигрывает по всем фронтам. У него низкое кряжистое тело, короткие ноги, мощная грудь бочонком и широкие плечи. Черты лица крупные, мясистые: широкие скулы, круглый нос, круглые темные глаза, сверкающие из-под косматых бровей. А еще он огненно-рыжий. Брови, волосы и борода нира Дарбена сверкают, как начищенные медные пуговицы на его сюртуке.

Вслед за ним мы спускаемся в подземные коридоры, выбитые руками его трудолюбивых сородичей.

Нир Дарбен решает, что нам обязательно нужно устроить краткий экскурс в историю. Так что мы всю дорогу слушаем его монолог о славных предках, о том, как дварфы пришли в эти горы тысячу лет назад, и как «благородный и мудрый» Повелитель Эрионар позволил им здесь остаться, а король дроу Даггерт Ден'Эррайн предложил взаимовыгодное сотрудничество.

С тех пор дварфы и процветают. Их представительства есть в Лирровельеноре, в землях урнвагов, на территории веров, а сейчас вот идут переговоры с Будгаром Сломанным Клыком – великим оркским вождем.

– Интересно, – ворчит Брейн, дыша мне в затылок, – и что оркам понадобилось от дварфов? Никак решили камешков прикупить для своих шалашей?

– Как раз наоборот, – отвечает нир Дарбен, указывая следующий поворот, – я слышал, что вождь Будгар хочет положить в наш банк некоторую сумму под проценты. Очень крупную сумму, надо сказать.

Эрионар, идущий передо мной, резко останавливается. В результате я налетаю на него, бьюсь носом между лопаток и сердито шиплю.

А Брейн едва не сбивает меня. Но успевает затормозить и тихо выругаться, поминая темного бога. Остальные веры поддерживают его одобрительным гулом.

– Насколько крупную? – произносит асур, игнорируя общий галдеж.

– Мне неизвестно, мой Повелитель, – дварф кланяется. – Слухи такие ходят, но вы же понимаете, владельцы банка не раскрывают своих секретов.

– А кто владелец этого банка?

– Точно никто не знает.

Эрионар больше ничего не спрашивает, но я замечаю, как он сдвинул брови.

– Тебя что-то смущает? – интересуюсь тихонько и беру его под руку, чтобы стать ближе.

Асур отвечает не сразу:

– Не знаю... Откуда у орка золото? Даже если он вождь. Скорее всего, ему за что-то заплатили, только за что? Что может стоить так дорого?

– Может быть, это заплатили эльфы за атаку на Рох? – высказываю первое, что приходит на ум.

– Вполне.

В Заррагбане я учила историю и знаю, что орки до сих пор живут первобытнообщинным строем. Они очень сильные, но не шибко умные. Ютятся в палатках из шкур, разводят животных, похожих на зубров. Их же используют как верховых. Очень воинственные, падкие на эльфиек, и до недавнего времени постоянно вели межклановые войны. Но потом появился Будгар Сломанный Клык, и распри между кланами прекратились. Как и набеги на эльфийские

границы.

Зато случилось нападение на Рох – крепость дроу. А в нем, как известно, участвовали и орки, и эльфы – заклятые враги! И вот теперь новая информация к размышлению.

– Ты думаешь о том же, что и я? Тиадар...

Эрионар качает головой:

– Тиадар как раз с этим не связан, а вот высшие эльфийские дома, недовольные молодым королем, вполне может быть.

Я внезапно вспоминаю слова Айренира, сказанные когда-то давно: «...судьба темного королевства и твоих друзей-веров зависит от того, насколько Владыка Эрионар способен защищать и хранить свои земли. Ослабнет он – ослабнет и защита. Тиадар не упустит шанса воспользоваться моментом, а это означает новую войну». А еще именно Тиадар приказал казнить пленных веров из клана Вейраха!

На одном дыхании выдаю это все Эрионару и добавляю:

– Почему ты уверен, что эльфийский король тут ни при чем?

– Я верю ему. Это первый король, при котором эльфы не развязали ни единой войны, но кто-то, похоже, этим очень недоволен и хочет опорочить его имя. А слова Айренира только подтверждают мои догадки. Вспомни, Рох был не первым и не последним. Год назад по всей северо-западной границе с дроу прокатилась волна нападений. Она началась внезапно и так же внезапно оборвалась, когда исчез герцог Карион и его приспешники.

– Думаешь, Айренир ошибался насчет Тиадара? – недоверчиво хмурюсь.

– Кто-то очень хотел, чтобы он ошибался. Эльфийский король молод и слаб, но он не подлец.

– Тогда кому может быть на руку война между эльфами и дроу?

– Возможно, тому, кто метит на эльфийский престол. Нужно лишь скомпрометировать короля в глазах его подданных и заручиться поддержкой высших домов.

От такой перспективы я даже сбиваюсь с шага.

– Что?! Ты хочешь сказать...

Он прикрывает мой рот ладонью:

– Нет, ничего не хочу. Но что-то происходит. Я выясню что.

И вот наконец перед нами портал в Миррагдель: огромная каменная арка, за которой темнеет гранитная стена. Кажется, эта арка ведет в никуда, но это обманчивое впечатление.

У арки нас ждут охранники-дроу. Завидев их, я замедляю шаг. Уж слишком знакомыми они выглядят. Сердце ёкает, то ли от радости, то ли от волнения, а я не могу поверить своим глазам.

Это Эрдвей и Иллиер – те самые воины, которых Айренир приставил мне в охрану во время осады Роха! Как давно это было...

Зачем Даггерт отправил именно их? Хотел напомнить о прошлом? Так я его еще не забыла...

Особенно то, как обманула бедных парней и сбежала на поверхность. И как из-за меня едва не погиб Айренир, и как едва не случился всеобщий апокалипсис...

Увидев нас, дроу приветственно кланяются:

– Повелитель, Прекраснейшая, мы здесь, чтобы сопроводить вас в Миррагдель. Его Высочество уже приготовил для вас покой.

Они обмениваются с верами высокомерными взглядами. Ну, прямо мальчишки в песочнице. Сейчас еще начнут выяснять, чья лопатка больше.

Эрионар что-то уточняет у Эрдвея вполголоса, я же с трудом выдавливаю из себя слабую улыбку.

«Его Высочество»... Еще недавно я шептала эти слова с любовью и страстью на ухо своему мужу. А теперь? Теперь этот титул носит другой. Его брат...

Мы прощаемся с ниром Дарбенем.

По заведенному ритуалу дроу встают у противоположных концов арки, вспарывают седжаком свои ладони и цедят в магический круг нужное количество крови. Та стекает в углубление, где начинает светиться. Затем бежит вверх по выбитому на арке рисунку, игнорируя все законы физики. Она заполняет руны, выдавленные в камне, пока наконец два сияющих потока не сливаются в верхней точке.

И тогда пустое пространство внутри покрывается радужной пленкой. Подергивается рябью, начинает дрожать. А через миг вместо глухой стены перед нами возникает пустынный зал со сводчатыми потолками и мраморными колоннами. Его пол украшает мозаика из охранных рун, а стены – панели из золота и малахита.

Я застываю, разглядывая незнакомое помещение. И не сразу обращаю внимание, что Эрионар сжал мою руку. Но сейчас мне нужна любая поддержка, так что я не отталкиваю его.

С минуту мы стоим, прижавшись друг к другу, дыша почти в унисон.

Эрионар хрипло шепчет:

– Давай сделаем это.

Мы вместе шагаем в портал.

Следом за нами переносятся веры и дроу. Портал закрывается.

Я оглядываюсь, чтобы увидеть у себя за спиной глухую стену, на фоне которой белеет арка.

А к нам уже спешат вельможи. Похоже, они ожидали где-то поблизости. И сам Мерильен!

– Повелитель, – кронпринц приветствует Эрионара глубоким кивком, его свита – поклонами. Еще один кивок и лучезарная улыбка мне: – Эльсамин, очень рад, что вы прибыли!

– Когда я смогу увидеть Архив? – интересуюсь, едва со взаимными любезностями покончено.

Мерильен задумчиво хмурит брови:

– Ваш путь был неблизким. Предлагаю перекусить и отдохнуть с дороги. А бумажки... они никуда не денутся, раз лежат здесь уже тысячу лет.

Осматриваюсь. Отмечаю голодные взгляды веров и бледный вид Эрионара. Ему пора на процедуры по поддержке энергообмена, да и я немного устала.

– Хорошо, – сдаюсь, коря себя за задержку. – Но хочу сейчас получить пропуск в Архив.

Один из вельмож с поклоном протягивает шкатулку. В ней на подушке из черного бархата лежат два тяжелых серебряных перстня с кроваво-красным гранатом.

– Это универсальный пропуск, – поясняет Мерильен, видя мое удивление, – для вас, Повелитель, и для Эльсамин. Он открывает дверь в тайную часть королевской библиотеки. Именно там находится наследие сидов.

Мы прощаемся с кронпринцем, не забыв снова раскланяться. Мерильен обещает присоединиться к нам за трапезой и уходит. Эрдвей и Иллиер сопровождают в покои для высоких гостей, где уже ждут слуги-дварфы.

Глава 8

Выделенные нам апартаменты состоят из нескольких комнат, часть которых смежная, а часть выходит в гостиную. Веры тут же занимают гостиную, ведь из нее ведет единственный выход в общую галерею, связанную с другими апартаментами.

В тех покоях, которые выбрала я, есть спальня и будуар. К спальне примыкают зеркальная гардеробная, уборная и купальня с бронзовой ванной в виде цветка лотоса. Будуар выходит в гостиную.

Я быстро обследую свое временное пристанище и понимаю, что хочу принять ванну и сменить запылившуюся одежду на свежую. К тому же в купальне ждет полный набор необходимых вещей, а в гардеробной – достаточно платьев. Мерильен, видимо, еще не забыл, какой скандал я устроила в Заррагбане: все подобранные наряды – светлоэльфийские. Из дорогих тканей, приличествующих моему положению, но достаточно скромные. Элегантные. Не удивлюсь, если их выбирала Эовен.

Кстати, а как там она? Надеюсь, увидимся за обедом. И на ее первенца хочется посмотреть. Все-таки если бы не моя помощь в Рохе, он мог бы вообще не появиться на свет. Так что я чувствую себя крестной матерью.

В купальне, к своему удивлению, обнаруживаю водопровод. Вот что значит столица!

Правда, вода из крана течет только холодная, но это меня не останавливает. Я выставляю надоедливых служанок за дверь и запрещаю им заходить, пока не позову. Потом наполняю ванну, бросаю туда несколько разогревающих камушков, добавляю эфирных масел и с блаженством опускаюсь в

благоухающую пену.

Закрыв глаза, отдаюсь ощущениям.

Последнее время мне так не хватает вот таких минуток покоя. Когда не надо куда-то спешить, не надо о чем-то думать. А можно просто остановиться и насладиться мгновением...

Внутри меня разливается тепло. Я вспоминаю о детях.

Пока у меня была магия, я чувствовала их ауры. Даже улавливала эмоции и мыслеобразы. Но после событий в Зале Суда я могла лишь иногда ощущать толчки, как любая человеческая женщина. А теперь они отрезаны от меня километрами земли и пространства. Я не чувствую их, не смогу прийти на помощь, если с ними что-то случится, даже не узнаю, что им нужна помощь. А если и узнаю, то ничем не смогу помочь, потому что сама сейчас слабее младенца.

Я не смогу защитить детей, если не верну свою магию...

И не смогу вернуть себе мужа.

Мои мысли прерывает шум за дверью, нервный стук и взбудораженный голос служанки:

– Прекраснейшая! Повелителю плохо!

От неожиданности я вздрагиваю, скольжу по дну и едва не захлебываюсь водой, которая хлынула в рот и в нос. Кое-как вынырнув, высовываюсь из ванны:

– Что происходит?

– Повелитель! – истерически взвизгивает дварфка. – Он умирает!

Не в силах осмыслить эти слова, цепляюсь за бортик ванны. Слышу голос Брейна. Сухой и встревоженный:

– Эль, ты можешь выйти? Нужна твоя помощь.

– Да! Иду!

Выскакиваю из ванны и хватаю первое, что попало под руку: льняную простынь. Хорошо, что служанка оставила ее для меня. Заворачиваюсь в ткань и, шлепая босыми ногами по мраморному полу, бросаюсь к дверям. По дороге пару раз умудряюсь поскользнуться и едва не растягиваюсь на мокром полу. Ругаюсь мысленно, потом в голос.

Рывком распахиваю двери.

На пороге топчется хмурый Брейн, за его спиной виднеются открытые двери в гостиную и диван, с которого безжизненно свешивается хвост Эрионара.

Увидев меня в одном полотенце, с остатками пены на мокрых волосах, служанка визжит и пытается бухнуться в обморок. Брейн издает странный хрип и тут же отводит глаза.

Но мне не до них.

Бросаюсь к Эрионару, заглядываю в лицо. Асур лежит без кровинки: веки плотно сомкнуты, губы тоже.

– Что с ним? – выдыхаю, прижимая руку к его груди, где в бешеном ритме колотится сердце.

– Мы не знаем, – отзывается Брейн. – Просто стоял, а потом покачнулся и начал падать. Мы перенесли его сюда.

Альфа стоит рядом и слишком внимательно смотрит на асура. Видимо, пытается не смотреть на меня.

Я прикладываю пальцы к вискам Повелителя. Быстро ощупываю его голову, расстегиваю воротник и срываю шейный платок. Для визита в Миррагдель Эри вырядился по полной программе! Даже бриллиантовую булавку – и ту не забыл.

– Давай помогу, – бурчит вер.

И рывком разрывает на асуре камзол вместе с батистовой рубашкой.

– Спасибо, – смотрю ему в глаза. – А теперь, пожалуйста, выйди. И проследи, чтобы никто не вошел, пока я не разрешу.

Он ловит мой взгляд и с задержкой кивает.

– погоди! Ее тоже забирай, – указываю на дварфку, которая так и застыла с открытым ртом.

Вот же любопытная бестия! Наверное, никогда не видела, чтобы с асуром, да еще Повелителем, так бесцеремонно обращались. Теперь разнесет по всему дворцу, а может, и по всей столице.

Едва за ними закрывается дверь, я снова от души сквернословлю, поминая богов и родителей Эри. Затем мысленно прошу прощения у Айренира и снимаю с себя полотенце. Повязываю его на бедра, опускаюсь на колени перед диваном и ложусь грудью на грудь асура.

С минуту сомневаюсь, но все же обхватываю его руками за шею, чтобы контакт был более тесным. Хотя куда уж теснее!

Первый и последний раз я такое проделывала в тот день, когда Леоверен забрал нас с Айрениром из Королевского холма. И тогда все закончилось не очень прилично. Теперь Айренира нет, а Брейн вряд ли осмелится двинуть Повелителю в нос.

Хотя...

Кто его знает...

Я лежу так минут пять, кусая губы и стараясь не замечать того, что со мной делает эта близость. Действие лакмурана еще не закончилось, но уже заметно ослабло.

Тело асура кажется холодным как у мертвеца, дыхание – прерывистое и едва слышное, а сердце колотится так, словно вот-вот оборвется. Но постепенно его дыхание выравнивается, и наши сердца начинают биться в унисон.

Кажется, дело идет на поправку.

Я пытаюсь разжать руки и отстраниться, но Повелитель подо мной издает тихий стон.

Поднимаю голову и с удивлением смотрю на него. Он по-прежнему лежит с закрытыми глазами, хотя щеки немного порозовели.

– Эрионар? – зову тихонько. – Ты меня слышишь?

И снова стон.

– Что у тебя болит?

Ничего понять не могу. Я без магии как слепоглухонемая! Не вижу его ауру, не понимаю, что с ним происходит. Сущее наказание!

Он шевелит губами и что-то выдыхает так тихо, что я не могу расслышать. Приходится нагнуться к нему.

– Что? Что ты говоришь?

Почти беззвучный неразборчивый шепот...

Наклоняю ухо к его губам. Так низко, что дыхание асура обжигает меня. Кожа мгновенно покрывается мурашками, а сердце замирает в груди.

Нервно сглатываю. Руки Эрионара с силой сжимают меня. Его губы скользят вдоль уха и захватывают мочку в плен.

– Нет! – вскрикиваю и отчаянно вырываюсь. – Прекрати!

Асур, тяжело дыша, продолжает меня целовать: ухо, шея, плечо, подбородок...

Его поцелуи подобно маленьким клеймам прожигают кожу. Язык вычерчивает на ней сумасшедший узор. Руки удерживают меня на месте, не давая уклониться.

Но когда хвост обвивает мое бедро и ползет вверх по ноге, пытаюсь проникнуть под полотенце, я понимаю, что надо хитрить.

Расслабляюсь, делая вид, что смирилась. Эрионар с низким стоном впивается в мои губы. И я, недолго думая, кусаю его. Самым подлым образом впиваюсь зубами в его наглый язык!

Эрионар застывает. Я тоже. Он медленно поднимает ресницы, и наши взгляды встречаются. В его глазах царит полный сумбур.

Мужские руки неохотно отпускают меня. Я чувствую, что свободна, и отстраняюсь. Прикрываю руками грудь, поднимаюсь на ноги и медленно отступаю в сторону спальни. Не забывая при этом следить за каждым движением асура.

Тот не шевелится. Просто лежит и смотрит на меня в полной растерянности. Оказавшись возле входа, я прыгаю за порог и захлопываю дверь.

Только оставшись в относительной безопасности, понимаю, как испугалась. Сердце колотится так, словно собирается пробить грудную клетку и выпорхнуть.

Прижимаюсь спиной к двери и съезжаю вниз. Обхватив колени, пытаюсь успокоить дыхание.

С минуту в гостиной царит тишина. Потом раздается шуршание и звук шагов.

Шаги замирают возле двери, и это заставляет меня напрячься. Доносится тихий голос:

– Прости. Не хотел тебя напугать.

Сжимаю зубы.

Мне хочется вскочить, распахнуть дверь и высказать ему в лицо все, что я думаю об одном похотливом асуре. Но я не стану этого делать, потому что понимаю: он ведь действительно не виноват. Мы связаны душами, связаны аурами. Мы две половинки одного целого, и его безумно тянет ко мне...

Только мое упрямство не дает нам соединиться.

А я почему упрямлюсь? Да потому что меня никто не спросил, чего я хочу!

Тысячи лет назад боги решили, что младшая дочь короля сидов и единственный сын Владыки асуров – отличная пара! Почему бы и нет? Они ведь так подходят друг другу!

Но потом случилось слишком много всего. За тысячи лет мир изменился, я изменилась. Я больше не младшая дочь, не невинное создание, не знающее разочарований и боли...

– Я не трону тебя, – голос Эрионара звучит глухо и сдавленно. – Пожалуйста, одевайся и выходи. Нас ждут за обедом.

Он прав. Я должна взять себя в руки.

Поднимаюсь, проверяю крепость замка на двери и усмехаюсь собственной глупости.

Если Эрионар захочет сюда войти, его не остановят ни замки, ни двери. Придется поверить на слово, что он не станет этого делать.

В гардеробной по-быстрому натягиваю приготовленную одежду: нижнее белье и платье из скромного серебристого бархата. Немного подумав, надеваю перчатки, предназначенные для прогулок. Лучше исключить любое прикосновение к Повелителю. Конечно, стоит позвать служанку, чтобы она помогла. Но я сейчас слишком зла, напугана и не желаю никого видеть. Так что справлюсь сама.

Волосы скручиваю в обычный пучок, закалываю шпильками и, послав своему отражению гневный взгляд, возвращаюсь в гостиную.

Меня встречает напряженная тишина. Веры тщательно прячут глаза, Эрионар сидит хмурый и расстроенный, смотрит в одну точку, будто хочет прожечь дыру на стене.

При моем появлении все вскакивают.

– Что? – выдаю раздраженно.

Эрионар первым нарушает тишину:

– Как ты? – он застывает у кресла, видимо, не решаясь приблизиться. Чувствует, что я не в настроении. – Если хочешь, можем отменить встречу. Обед подадут сюда.

На миг меня охватывает желание воспользоваться его предложением. Слишком уж я взбудоражена. Но оставаться здесь, так близко от него, видеть его глаза и эту пронзительную тоску в них, понимать, что я ничем не могу ему помочь...

Нет уж, лучше пообедать в компании Мерильена и Эовен.

Так что решительно улыбаюсь:

– Все в порядке, можем идти.

Эрионар переводит взгляд на мои перчатки, и по его лицу проносится тень. Он с задержкой кивает:

– Хорошо.

Нас проводят к трапезной. Брейн и Кир идут в сопровождении, Савьен и Вейрах остаются в покоях. Лакеи-дварфы распахивают двухстворчатые двери, и мы попадаем в овальный зал приличных размеров.

Большую часть помещения занимает длинный стол. Он сделан из черного дерева и отполирован так, что в него можно смотреться как в зеркало.

Во главе стола восседает Мерильен. По левую руку от него – Эовен, по правую – еще одна дроу, в которой я узнаю его сестру Силириен. Мы очень мало виделись до этого и почти не общались, может, поэтому мне в глаза бросается ее излишняя бледность.

Конечно, все дроу бледные. Точнее, у них кожа серая, как сухой асфальт. У кого-то оттенок более темный, у кого-то – светлее. Но Силириен выглядит именно бледной. Обескровленной. Она почти сливается по цвету со своими волосами.

Я скольжу по ней быстрым взглядом, улыбаюсь и здороваюсь, как того требует этикет. Эрионар отодвигает мне стул.

На столе уже возвышаются серебряные купола, под которыми прячутся блюда. Стоит нам занять свои места и обменяться приветствиями, как появляются слуги. Они скользят неслышными тенями, обходя стол, снимают крышки, разливают золотистое эльфийское вино.

Мои веры застыли у дверей: Брейн – у входных, Кир – у тех, из которых слуги выносят новые блюда.

– Магистра Гарвейна уже предупредили о вашем прибытии, – отмечает Мерильен, когда первый голод слегка утолен. – Он будет ждать в архиве.

– А магистр Садарн? Как дела с порталом?

– Спросишь у Гарвейна. Я не лезу в дела магистров. К тому же эльфийская Академия испокон веков подчиняется только ректору, а ректор – только королю.

Ну да, без разрешения королей с обеих сторон никакого портала бы не было.

Я вспоминаю, как Эрионар говорил, что все это не ради помощи мне, а ради моей силы. Сама по себе я никому не нужна, разве что ему.

У Даггерта есть причины мне помогать.

Что касается Тиадара и Леоверена, то у каждого из них свои виды. Впрочем, я их не виню. Мне просто смешно. Чувствую себя таким яблоком раздора, а Даггерт, Леоверен и Тиадар как Гера, Афина и Афродита. Осталось только выяснить, кто тут у нас Парис?

Невольно улыбаюсь собственным мыслям и замираю. Душу сжимает холод.

Я вспоминаю, чем закончилась та история с яблоком. Троянской войной.

Эрионар, сидящий рядом со мной, моментально напрягается.

– Эль? Что случилось?

– Н-ничего, – выдаю тихим голосом и поспешно утыкаюсь в тарелку, чтобы никто не заметил смятения на моем лице.

Троянская война. Не ее ли я увидела в котле шелки? Значит ли это, что я верну себе силы? И что, потом кто-то из трех королей получит власть надо мной?

Только кто?

Леоверен кажется мне неспособным спровоцировать новую войну. Все-таки асуров мало, и они по сути своей мирные существа, хоть и способны дать отпор любому захватчику.

Тиадар?

Эрионар верит ему, но эльфы очень завистливы и всегда рады оттяпать чужой кусок. Такие вот неканоничные эльфы: красивые, мудрые, долгоживущие и алчные. Я уже убедилась в этом на собственной шкуре.

Даггерт?

Еще недавно он ждал, что мои дети появятся на свет и снимут проклятие с дроу. Но вот мои дети родились – и что? А ничего ровным счетом! Ничего не изменилось! Дроу все еще живут под землей, солнечный свет губителен для них, как и прежде. Неизвестно, сколько должно пройти веков, пока сбудется предсказание Джанны. Больше того, пока жив хоть один из тех, кто вольно или невольно участвовал в истреблении сидов, дроу не выйдут из своих подземелий!

Но дело не только в этом.

Даже если и выйдут, где они будут жить? Все земли давно поделены! С южной стороны Первородного леса находится Лирровельенор, с северной – Альзасток, Ниеллиран, Тор-на-Дун и Драконьи горы. С востока к нему прилегают безжизненные пески, переходящие в океан, с запада – каменистые пустоши, за которыми на много миль тянутся ядовитые топи. Где-то там, в этих топях, живут болотные гоблины – мелкие злобные существа, у которых ума не больше, чем у собаки. А вот пустоши принадлежат кочевникам-оркам.

Поэтому Даггерт и хочет, чтобы мы стали союзниками. Первородный лес, вотчина сидов – единственное место, где темным позволят найти приют. Только сейчас ни один из дроу не может войти в него...

Не это ли станет причиной будущей войны?

– Ты побледнела, – голос Мерильена врывается в мои мысли.

– Ерунда, все в порядке, – улыбаюсь, стараясь сгладить неловкий момент, и понимаю, что эти слова относились не ко мне.

Кронпринц обращался к супруге!

– Это ребенок шевельнулся, – поясняет Эовен и покрывается легким румянцем.

– Ребенок? – удивленно смотрю на нее.

– Да, – глаза эльфийки довольно блестят. – Дети – это такое чудо! Я жду не дождусь, когда встречу с нашим сыночком.

Она поглаживает живот, и я только теперь замечаю, что он у нее огромный! Из-за того, что Эовен сидит, да еще из-за обилия оборок на платье я не поняла, что она беременна. И ей, похоже, не сегодня – так завтра рожать!

– И когда же планируется эта встреча?

Втайне радуюсь, что все внимание переходит с меня на нее.

– Астрологи предсказали, что наш малыш появится на свет в ближайшее однолуние, – приосанивается Мерильен. – Это хороший знак!

Луны Эретуса сходятся в одну линию раз в три месяца. Считается, что это особая ночь, когда происходит резкий всплеск сырой магии и у всех магических существ на целые сутки резерв увеличивается в два раза. С чем это связано – никто до сих пор не выяснил, но я подозреваю, что с Аркой Богов. А эти всплески отмечают их переходы между мирами. Только озвучить свои подозрения пока не могу. Нуэд хорошо постаралась, запечатав во мне запретные знания.

– Значит, до родов осталось не так уж и много, – улыбаюсь эльфийке.

– Кстати, Эль, ты еще не видела нашего первенца! Он такой хулиган, настоящий маленький дроу и очень похож на деда! Ты обязательно должна познакомиться с ним.

Мерильена буквально распирает от гордости, но я его понимаю. Дети для дроу – большая ценность. И очень редкая. А брак между светлым и темным эльфом обречен на бездетность, но благословение сида сделало его необычайно плодотворным. Их первенцу, должно быть, уже больше года.

– Обязательно познакомлюсь, – обещаю с улыбкой и перевожу взгляд на Силириен. Та молчала все это время. – У нас не было случая познакомиться ближе, принцесса, но теперь, когда я здесь, может, вы устроите мне прогулку по

Миррагделю? Очень хочу увидеть красоты, о которых столько слышала и читала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uglickaya_alina/nevesta-na-zamenu-3-serdce-feniksa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)